

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ
НАУКАМ

Л.С. ЛЫКОШИНА

ПОЛЬСКИЕ ПРАВЫЕ НА ПОРОГЕ XXI в.
Аналитический обзор

Москва 2004

ББК 66.69(4Пол)
Л 88

Серия

*«Проблемы общественной трансформации
в странах Восточной Европы и России»*

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Отдел Восточной Европы

Лыкошина Л.С.

Л 88 Польские правые на пороге XXI в.: Аналит. обзор /
РАН ИНИОН. Центр науч.-информ.-исслед. глобал. и ре-
гион. пробл. Отд. Вост. Европы. Отв. ред. — Шаншиев
Л.Н. — М., 2004. — 60 с.
ISBN 5-248-00196-х

В работе рассматривается идейное и организационное становление польских правых начала XXI в. в контексте развития страны и глобальных проблем современного мира.

The author analyses the formation of ideas and organizational structures of the Polish right wing politicians at the beginning of 21st Century in the framework of Polands development and current global processes.

ББК 66.69(4Пол)

ISBN 5-248-00196-х

© ИНИОН РАН, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Штрихи к политическому портрету польской правицы	5
Гражданская платформа и Право и справедливость: Союзники или соперники?	17
«Родина — это великая общая обязанность»	27
Самооборона Речи Посполитой — «нормальная партия нормальных людей» или партия популистов?	40
Правица в контексте европейской интеграции	45
Заключение	56
Список литературы	59

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI в. в Польше стало временем достаточно решительного утверждения во власти польских левых: осенью 2001 г. на парламентских выборах именно они получили более 40% голосов избирателей. Позиции социал-демократов, возглавляемых «железным канцлером» (а именно так называли их лидера Л. Миллера) казались едва ли не неизблемыми. Политические обозреватели (с разными чувствами, но почти единодушно) говорили о том, что альтернативы левым в Польше нет¹.

Но уже очень скоро ситуация на польской политической сцене резко поменялась: в начале 2004 г. рейтинг социал-демократов едва достигал 17%, Л. Миллер стал самым непопулярным премьером за весь период общественной трансформации, уже никто не называл его «железным канцлером» и хотя до парламентских выборов оставалось еще довольно много времени (срок полномочий нынешнего польского сейма истекает в 2005 г.) вся польская общественность – от искушенных политических аналитиков до рядовых избирателей говорили о левых как о своеобразной «отыгранной политической карте», уверенно идентифицируя будущих хозяев сейма с польскими правыми, или правицей как их принято называть и в научной и в публицистической литературе.

С той самой правицей, которая так безнадежно провалилась на выборах 2001 г. и, казалось, долго не придет в себя. Более того, эвентуальных победителей называют даже «по имени». Это партии Гражданская платформа и Право и справедливость.

Конечно, немало воды утечет до следующих парламентских выборов и политический ветер, возможно, еще переменится, но сейчас, труд-

---

¹ Подробнее о польской левице см. обзор Л.С. Лыкошиной «“Левый выбор” Польши и перспективы социал-демократии». – М., ИНИОН, 2003. – 68 с.

но не согласиться с мнением польского политолога Т. Жуковского, он дует вправо (53, с. 4).

Следовательно, как бы ни сформировался расклад политических сил в недалеком будущем, представляется правомерным более внимательно взглянуть в сложный и неоднозначный облик польской правящей на пороге XXI в. и попытаться определить ее основные характеристики.

ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ПОЛЬСКОЙ ПРАВИЦЫ

Трудно назвать данный раздел более четко и определенно. И объясняется это, прежде всего, чрезвычайной фрагментацией правого политического спектра, разобщенностью и разнородностью партий данной формации, быстрым возникновением и иногда не менее быстрым исчезновением все новых и новых политических образований, иногда настолько быстрым, что избиратели не успевают даже привыкнуть к названиям той или иной партии и осознать их политическое бытие. Польскую правящую традиционно упрекают в неумении сплотиться, в чрезмерных политических амбициях лидеров, в отсутствии четких программных установок.

В рамках одного обзора невозможно рассмотреть все политические силы правой ориентации, что обуславливает необходимость ограничиться лишь «ключевыми фигурами».

Демократизация привела к лавинообразному образованию политических партий. Они легко возникали и часто быстро угасали. Закон о политических партиях был принят в 1997 г., а Конституция 1997 г. в своем § 13 гарантировала свободу создания и деятельности политических партий, запрещая вместе с тем деятельность партий склонных к «тоталитарным методам и практике нацизма, фашизма и коммунизма», способствующих разжиганию расовой ненависти и апеллирующих к насилию.

Польская политическая сцена 90-х годов характеризовалась достаточно четко выраженной фрагментацией партийной системы, организационно-идеологической слабостью партий. Оппозиционное движение, связанное с «Солидарностью», в начале 90-х годов распалось в результате так называемой «войны в верхах», спровоцированной Л. Валенсой. Сплотившиеся вокруг него политики в 1990 г. создают Соглашение Центрум

(СЦ)¹, возглавляемое Я. Качиньским. Новая партия решительно выступала против политики «жирной черты», пропагандируемой Т. Мазовецким и подразумевающей попытку начать новую эпоху в жизни Польши с «чистого листа», никого не преследуя за прошлое.

Постепенно из объединения политиков самой разной ориентации (от либералов до христианских демократов) СЦ становится партией с достаточно четким политическим профилем христианско-демократической партии с «уклоном» в направлении правого консерватизма. В качестве своих идейных основ СЦ декларировало начала христианской этики, социальную доктрину католической церкви (32, с. 74).

В качестве политической цели рассматривалось создание сильного государства во главе с президентом, обладающим самыми широкими полномочиями. Особое внимание уделялось борьбе с преступностью, которая предусматривала ужесточение системы наказаний и введение смертной казни.

В экономической части программы предусматривалось соблюдение принципов рыночной экономики, ограниченного интервенционизма государства, всеобщей приватизации. Вместе с тем СЦ настаивало на версии «демократического капитализма», а не «государственно-олигархического», уделяя внимание социальной политике, борьбе с безработицей. СЦ критиковало в свое время политику Л. Бальцеровича за недостаточное внимание к нуждам широких социальных слоев.

В международной политике СЦ было поборником европейской интеграции и вступления Польши в НАТО, как альтернативы опасности возникновения зависимости от России.

СЦ в его политической деятельности отличал крайний антикоммунизм, призывы к декоммунизации и борьбе с бывшей номенклатурой. До 1993 г. СЦ активно действует в сейме, после победы левых переходит в оппозицию, в 1997 г. в составе Избирательной акции «Солидарность» возвращается в сейм с тем, чтобы в 2001 г. вновь утратить свои позиции.

Партия никогда не была монолитом, из ее лона в течение 90-х годов выделялись такие группировки, как Движение во имя Речи Посполитой (впоследствии Движение воссоздания Польши), Польское объединение, Христианско-демократический центр и т.д. (32, с. 76).

---

¹ С 1997 по 1999 г. СЦ называлось Соглашением Центрум – Избирательная акция «Солидарность».

Наиболее ярким политиком СЦ являлся Я. Качиньский – один из лидеров партии Право и справедливость (об этой партии более подробно см. с. 24 данного обзора).

Вышеупомянутое Движение во имя Речи Посполитой (Движение воссоздания Польши – ДВП), возглавляемое Я. Ольшевским, пользовалось в середине 90-х годов достаточно большой популярностью, уступая только социал-демократии. Партия декларировала себя как «партию независимости», идеология которой основана на социальном учении церкви. ДВП призывала к воссозданию Польши «от основ» и декоммунизации. Придерживаясь в международной политике европейской ориентации и признавая необходимость интеграции, партия, вместе с тем, решительно акцентировала необходимость защиты польской собственности и польских национально-государственных интересов.

Отказавшись от коалиции с другими политическими силами, ДВП в 1997 г. не добилась серьезного успеха на парламентских выборах, что привело к расколу в партии, уходу из нее таких достаточно ярких политиков, как Я. Качиньский и А. Мачеревич (А. Мачеревич создал свою партию – Католическо-национальное движение). Тогда же из ДВП выделяются Движение верности Речи Посполитой, Польский экономический союз, Патриотическое движение «Родина» и др.

На президентских выборах 2000 г. ДВП поддерживало кандидатуру Я. Ольшевского, не добившегося, как известно, успеха.

Разобщенное, хаотическое движение в правой части политического спектра в 1996 г. сумело все же объединиться, создав Избирательную акцию «Солидарность», в которую в разные периоды ее существования входило от нескольких человек до нескольких десятков членов (Я. Ольшевский, который тогда многими мыслился как лидер правицы, от объединения с ИАС отказался).

ИАС была задумана как сила, интегрирующая правицу и способная противостоять левым. В основу избирательной программы ИАС в 1997 г. была положена идея общественной солидарности, народ определялся, как «семья семей», основанием политического порядка признавалось естественное право, в том числе право на жизнь, свободу и собственность.

В экономической части программы признавалась правомерность рыночных реформ, приватизации, отмечалась необходимость ограниченного государственного интервенционизма и реструктуризации многих отраслей экономики.

В программе говорилось о необходимости поддержки крестьянства, защиты его от иностранной конкуренции. В сфере социальной политики предусматривался ряд реформ: здравоохранения, образования, социального обеспечения.

В международной политике ИАС выступала за европейскую интеграцию, но в варианте «Европы отечеств».

В целом можно определить ИАС как коалицию группировок с разными идеями, ценностями и программами, что затруднило создание понастоящему единой партии, горячим сторонником которой был Я. Качиньский. При явном доминировании в партии направления, связанного с профсоюзом «Солидарность», в ней были представлены также направления консервативно-либеральное, национально-христианское, христианско-демократическое (32, с. 167). ИАС поддерживал правый электорат, за исключением крайне правых, ориентирующихся на несколько иные, более радикальные политические силы.

Лидером партии (а одновременно и лидером «Солидарности») был М. Кшаклевский, фигура достаточно популярная в конце 90-х годов, один из лидеров правицы того времени.

«Звездным часом» ИАС стал 1997 г., когда партия победила на парламентских выборах, набрав 33,83 % голосов (48, с. 185).

В сейме союзником ИАС выступал Союз свободы (СС), явившийся результатом объединения в 1994 г. двух партий Демократического союза (ДС) и Либерально-демократического конгресса (ЛДК).

Истоки ДС восходят к 1990 г., когда вокруг Т. Мазовецкого, выступавшего соперником Л. Валенсы на президентских выборах, объединилась некая «группа поддержки».

В мае 1991 г. состоялся объединительный съезд всех политических сил, связанных с правительством Мазовецкого. Это были Гражданское движение демократическое действие и Форум демократических правых сил. Идеология ДС включала в себя элементы достаточно разной ориентации: социал-демократической, либеральной, христианско-демократической, консервативной. Но это не помешало ДС стать влиятельной политической силой, давшей Польше в течение 90-х годов двух премьер-министров – Т. Мазовецкого и Х. Сухоцку. Несмотря на то, что осенью 1992 г. из ДС вышла часть членов Фракции демократических правых сил во главе с А. Халлем, партия сумела сохранить свою роль в политической жизни страны, будучи в оппозиции как при правительстве

Я.К. Белецкого и Я. Ольшевского, так и после прихода к власти левых (в 1993 г.).

ЛДК – вторая составляющая СС – возник в 1990 г., когда немногочисленная группа либерально мыслящих политиков создала свою партию. По сути, до определенного момента либеральное движение развивается в рамках оппозиционного движения в целом и лишь в середине 80-х в кружке гданьской молодежи, объединенной единством взглядов, оформилось сознание необходимости самоопределения. Активное участие в деятельности «Солидарности» было для этого явно недостаточным.

Определяя свое место в политике, ЛДК констатировал в своих программных документах: «Мы либералы. Мы выступаем за свободное, открытое общество. Мы стремимся к государству, основанному на законе и уважении частной собственности. Мы делаем ставку на личную инициативу, на предприимчивость и хорошую работу (47, с. 105). Либералы (возглавляемые Я. Левандовским) активно поддерживали Л. Валенсу на президентских выборах 1990 г., вошли в Соглашение центристских сил, созданное для поддержки Л. Валенсы, выступая, таким образом, как оппоненты ДС, поддерживающего Т. Мазовецкого.

Свои «пять минут» во власти либералы получили в период недолгого существования правительства Я.К. Белецкого (1991).

На парламентских выборах 1991 г. ДС значительно опередил либералов. После этих выборов ЛДК переживал период идейной борьбы и самоопределения, увенчавшийся победой сторонников «чистого либерализма», тем самым отказавшись от потенциальной возможности стать ядром правой коалиции.

Выборы в парламент 1993 г. принесли либералам в два раза меньше голосов, чем предыдущие, что не позволило партии вообще войти в состав сейма. ДС также потерял значительное число голосов, получив лишь 10,8 %, но в состав сейма вошел, оказавшись там едва ли не самой правой партией. Поражение на выборах послужило импульсом к поиску возможности соглашения между ДС и ЛДК. С инициативой объединения выступила ДС, заявив, что «объединяя программы и людей, мы сможем действовать в пользу свободного рынка, децентрализации государства, гражданских инициатив и успешной социальной политики. Наша объединенная партия может и должна стать выразителем интересов тех, кому близки идеалы свободы и открытого общества, организацией, опирающейся на широкую поддержку (32, с. 134).

Объединение ДС и ЛДК состоялось в апреле 1994 г. В программе новой партии декларировалось стремление к защите свободы личности, соблюдению прав человека, мировоззренческий нейтралитет государства, принципы рыночной экономики. Председателем Союза свободы был избран Т. Мазовецкий, а его заместителем Д. Туск.

Итак, произошло соединение, казалось бы, несоединимого — католик Т. Мазовецкий и либерал Д. Туск оказались лидерами одной партии, два идейных течения — социал-демократическое и либеральное — должны были объединиться в программе нового политического образования. Лидером его с 1995 г. становится Л. Бальцерович, победив в достаточно острой борьбе Т. Мазовецкого. Уход такого авторитетного политика, как Т. Мазовецкий связывался со стремлением СС немного сузить слишком «широкий размах правого и левого крыльев», иначе говоря, придать партии более четкую политическую ориентацию. Заметим, что с момента образования СС в ней были представлены два направления, соперничающие между собой: консервативно-либеральное с такими лидерами, как Х. Сухоцка и Я.М. Рокита и социал-либеральное, возглавляемое В. Фрасынюком и З. Куратовской. Очевидно, Т. Мазовецкий нелегко расстался с лидерством в партии. И хотя он заявил, что не «забирает свои манатки», он не согласился войти в руководство СС и некоторое время вообще не участвовал в деятельности СС (39, с. 3).

С уходом Т. Мазовецкого в ориентации СС несколько усилились левые тенденции. Именно от СС в качестве кандидата в президенты в 1995 г. был выдвинут Я. Куронь (хотя сами левые отнюдь не считают его своим). В ходе избирательной кампании по выборам в органы местного самоуправления (на которых СС получил неплохие результаты, хотя и не одержал впечатляющей победы), Союз свободы нередко блокировался с Союзом демократических левых сил (ДЛС), чем вызвал явно отрицательную реакцию правых партий. Так, один из лидеров христианско-национального объединения С. Неселовский сравнивал поведение СС с позицией Сталина в 1939 г., когда он одновременно подписывал пакт с Риббентропом и вел переговоры с представителями антигитлеровской коалиции (31, с. 8).

Правые однозначно отводили СС место на левом фланге. В то же время левые политические аналитики не сомневались в «правом дрейфе» СС, полагая, что последний лишь прикрывается социал-демократическими лозунгами. В «идейной неустойчивости» усматривались причины вероятной близкой гибели СС. Но этого не произошло и на

парламентских выборах 1997 г. СС получил 1749 тыс. голосов (до этого, на выборах 1993 г. две составляющие СС – ДС и ЛДК получили 2011 тыс., но тогда была и несколько большей активность избирателей). Причем в значительной степени эти голоса были получены благодаря Л. Бальцеровичу (30, с. 7).

Вся история существования коалиции СС и ИАС исполнена конфликтами и борьбой, что, скорее, естественно при столкновении в принципе либеральной программы СС с лево-популистской и национально-католической программой ИАС.

Во власть ИАС пришла с набором неких труднодостижимых в реальной жизни, но привлекательных целей: наделение всех граждан собственностью, приостановка приватизации, осуществление политики в интересах семьи, достойное вхождение Польши в ЕС («мы не пойдём в ЕС на коленях»). Эти цели трудно было сочетать с твердым убеждением Л. Бальцеровича в необходимости исходить в финансовой политике только из реальных возможностей экономики и не залезать в долги (что вполне допускают представители ИАС).

Союз свободы на выборах 2001 г. выступал под лозунгом «Сильный средний класс – это шанс для каждого». Один из лидеров СС Б. Геремек к категории среднего класса относит широкие социальные слои предпринимателей и интеллигенции. Это – владельцы малых фирм, специалисты, руководящие кадры, медики, учителя, «люди культуры» и т.д. Наличие сильного среднего класса – залог стабильности и успехов государства, а потому развитие среднего класса должно стать социальным приоритетом.

В настоящее время в Польше практически нет среднего класса, а без него, по мысли Б. Геремека, невозможно противостоять делению общества на богатых и бедных (32, с. 57).

За годы, прошедшие со времени начала трансформации, большинству поляков не удалось достичь уровня жизни, характерного для среднего класса. Но средний класс это не только определенный уровень достатка. Это еще и определенная система ценностей, включающая в себя, в частности, ответственность за свою судьбу, убежденность в необходимости ограничить компетенции государства и добиться его служебной роли по отношению к гражданам, осознание ответственности своего государства перед другими на международной арене и т.д. Но в нынешней Польше политики не заботятся об этих ценностях. «Речь не идет о правде или левизне. Речь не идет о более либеральной экономике или о

больших расходах на социальные нужды. Речь идет о воссоздании польских гражданских ценностей» (32, с. 58).

Ценности среднего класса под угрозой. И эта угроза не исходит извне, она коренится в самой польской действительности.

СС предполагает свои меры по восстановлению и укреплению этих ценностей. К числу таковых относится, в частности, инициатива, рассматриваемая Б. Геремеком как «мотор современного общества». Без нее нет прогресса... можно и нужно создавать в Польше национальную этику, которая поставит лидеров на пьедестал народных героев и патриотов в школе, бизнесе, науке, культуре, гражданской жизни» (32, с. 60).

Второй важный фактор состоит в осознании примата личности перед государством. Государство должно служить людям, а не наоборот.

Третий фактор — ответственность. Эта незыблемая ценность среднего класса. Особая ответственность в Польше лежит на инициаторах трансформации. Прежде всего перед теми, кому особенно трудно. В свое время Я. Куронь раздавал бесплатно суп самым бедным. «Суп это не решение проблемы, но равнодушие — это тоже не альтернатива. Эта акция Куроня символизирует ценность, какой является ответственность» (32, с. 61).

Четвертый фактор — семья, рассматриваемая как ценность, которую необходимо сохранить. «Сила польской экономики не должна основываться на слабости польской семьи» (32, с. 63).

Б. Геремек отдает себе отчет в том, что в условиях глобализации сохранить семью и связанные с ней ценности достаточно сложно, но и отказываться от них недопустимо.

Представленная программа не привлекла к СС должного количества избирателей, и на выборах 2001 г. партия не достигла успеха.

Однако еще до выборов 2001 г. происходят события, значительно ослабившие правый фланг: в мае 2000 г. распадается коалиция СС—ИАС, на президентских выборах 2000 г. кандидаты правых терпят поражение.

Происходит серьезная дезинтеграция правицы: СС распадается, из него выходят почти все политики, связанные с ЛДК, которые вместе с частью политиков ИАС (во главе с М. Плажиньским) и деятелями избирательных комитетов А. Олеховского (кандидата от правых на пост президента) создали новую партию — Гражданскую платформу.

Часть же политиков ИАС, связанных с Соглашением Центрум, а также часть политиков Христианско-национального объединения (ХНО) создали партию Право и справедливость, руководимую братьями Я. и Л. Качиньскими. Тогда же возникает достаточно крайняя Лига польских семей.

Вышеперечисленные (как, впрочем, и преобладающее число других партий в Польше, за исключением СЛД и ПСЛ) — партии немногочисленные, насчитывающие от нескольких десятков до нескольких тысяч членов, не говоря о внепарламентских партиях, численность которых часто просто мизерна.

Небольшая численность партий обуславливает их финансовую слабость: партии не могут существовать за счет членских взносов. В связи с этим закон о партиях 1997 г. предусматривает их частичное бюджетное финансирование. Большинство партий не имеют штатных партийных аппаратов и развитой организационной структуры.

Для наиболее сильных парламентских партий характерен процесс так называемой «парламентаризации», чрезвычайно тесной связи партии с деятельностью парламента. Причем все или почти все лидеры имеют депутатские мандаты, что делает их независимыми от партий, и обуславливает легкость раскола партий и образование новых (так, в 2001 г. из СС возникли ГП и ПиС).

Все партии имеют проблемы с собственными печатными органами, газеты и журналы, связанные с тем или иным политическим направлением, являются скорее исключением. Это обстоятельство побуждает партийных лидеров к поиску возможностей в максимальной степени использовать СМИ, прежде всего телевидение и радио (48, с. 188—189).

Можно констатировать, таким образом, что перед польской правницей в начале XXI в. так же серьезно, как и более десяти лет назад, в начале демократических преобразований, стоит задача консолидации и идейной идентификации.

Правомерно заметить вместе с тем, что далеко не все в Польше (и не только в Польше) убеждены в том, что само употребление терминов «правница» и «левица» правомерно в контексте современной политической действительности. Многие аналитики с начала 90-х годов предрекали исчезновение этих понятий из политического дискурса в связи с переменами, происшедшими в мире после 1989 г. Действительно, казалось, что эти понятия стали неактуальными, утратили свою идентичность.

Недаром известный польский политик, связанный с «Солидарностью» Я. Куронь, после того, как он вошел в правительство после победы демократических сил и активно начал «строить капитализм», изумлялся, что его по-прежнему называют «левым».

Об утрате смысла употребления названных терминов говорили в 90-е годы такие люди «Солидарности», как А. Михник и Б. Геремек после того, как они из рядов оппозиции перешли в ряды политического истеблишмента. Тем не менее термин «левица» и «правица» остались в польском политическом лексиконе и каждый человек, сколько-нибудь причастный к политической жизни, понимает, употребляя их, о чем идет речь.

По мнению Т. Шавеля, в соответствии с конкретно-польскими реалиями «человек левицы» или «человек правицы» может быть определен в соответствии с критериями отношения: к прошлому (до 1989 г.); к ключевым проблемам 90-х годов; демократии; религии (44, с. 181).

По данным К. Панковского, после 1989 г. левица ассоциировалась у поляков с прежней, социалистической властью, а правица — с оппозицией. Исследования польских социологов показывают, что в период 90-х годов до 80% поляков при оценке своих политических воззрений использовало категории «левица» и «правица». Причем масштабы самоидентификации напрямую связаны со спецификой ситуации в стране; успехами или неудачами политиков той или иной ориентации. Так, осенью 2001 г. 38–42% поляков идентифицировали себя как сторонников левицы, а 26–28% — правицы. Тогда как в 1995–1997 гг. соотношение цифр было почти противоположным. Такого рода динамика объясняется течением политического процесса: на 1997 г. приходится пик успехов правых (Избирательной акции «Солидарность»), затем растет разочарование деятельностью правительства правых и, соответственно, растет авторитет левых, а вместе с тем меняется и самоидентификация своих политических воззрений (44, с. 185).

Интересно, что в Польше трудно определить зависимость между социально-демографическими факторами и левой или правой самоидентификацией. В отличие от западноевропейских стран, как замечает Т. Шавель, социальная структура «не работает». Уровень доходов, образования, профессиональная принадлежность не определяют позиций человека. Истоки лево/правого деления следует искать в ином: отношении к прошлому, в системе ценностей, в отношении к ключевым проблемам развития страны в 1989–2001 гг. (44, с. 187).

Идейная самоидентификация зависит, в частности, от принадлежности в прошлом к ПОРП. Независимо от срока пребывания в партии сам факт принадлежности к ней способствует левой ориентации. Подобным же образом взаимосвязаны «левизна» и положительная оценка польской действительности до 1989 г. Напротив, принадлежность к «Солидарности» и отрицательное отношение к социализму — факторы, способствующие правой ориентации.

Линии политического раздела достаточно определенно связаны с отношением к прошлому, главным образом к периоду Народной Польши. Левая часть политического спектра, в принципе, критически оценивая тот период, отмечает и некоторые позитивные моменты, правая — таких не усматривает. Важнее, однако, как отмечает В. Вятр, не интеллектуальные аспекты спора о прошлом, а политические выводы из этих споров (41, с. 200).

Работа «круглого стола» была своеобразным историческим компромиссом, и поначалу не было попыток каким-либо образом ограничить права лиц, занимавших важные посты в ПНР. Но решение Л. Валенсы принять символы президентской власти не из рук В. Ярузельского, а от последнего президента Республики Польши в эмиграции Р. Качоровского свидетельствовало о том, что историческая память становится основой политической дифференциации.

После победы правых сил в 1991 г. на парламентских выборах политико-правовые последствия спора о прошлом стали совершенно открыто сферой политических разделов (48, с. 201).

В сейме обсуждалось шесть проектов законов о декоммунизации и люстрации, внесенных на обсуждение Конфедерацией независимой Польши (КНП), Либерально-демократическим конгрессом (ЛДК), ХНО, Соглашением Центрум и др. Против выступили левые — СЛД и партия Т. Мазовецкого — Демократический союз (ДС).

В сейме следующего созыва (1993—1997), где перевес был на стороне левых, сам расклад политических сил не способствовал продолжению работы над законом о декоммунизации. Вместе с тем именно в этот период был принят закон о люстрации (вопреки СЛД).

В сеймах I и II созыва одним из аспектов спора о прошлом было отношение партий к попыткам отправить под трибунал В. Ярузельского и некоторых других должностных лиц за введение в 1981 г. военного положения. «За» выступили Союз свободы (СС), Союз труда (СТ), КНП,

партия Валенсы Беспартийный блок поддержки реформ (БППР); «против» — СЛД и Польское строиництво людове (ПСЛ).

В Польше больше, чем в других постсоциалистических странах политические различия и ориентации связаны с отношением к роли церкви в жизни государства и общества. Это обусловлено особой ролью церкви в истории Польши, а также тем обстоятельством, что после Второй мировой войны Польша стала практически единой в конфессиональном отношении.

В условиях демократических преобразований Конституция 1997 г. гарантирует равенство всех вероисповеданий (заметим, что в межвоенной Польше католическая церковь занимала привилегированное положение, а в ПНР подвергалась определенным притеснениям), мировоззренческую нейтральность государства и автономию всех церквей и религиозных объединений. На признании этих постулатов основан заключенный в 1993 г. конкордат между Польшей и Ватиканом.

Однако в реальной жизни, как показывают социологические исследования, большинство поляков считают, что политическое влияние церкви слишком велико.

Партии левого спектра выступают в поддержку религиозно нейтрального государства; правого — государства, основанного на религиозных ценностях.

Таким образом, именно исторические и религиозные аспекты являются основой политической дифференциации и идентификации левицы и правицы. Экономические проблемы не являются столь четко обозначенным фактором. Это обстоятельство можно рассматривать и как свидетельство того, что в общественном сознании партии — это феномен, слабо связанный с представительством реальных интересов граждан.

Польский электорат достаточно четко распределяет политические партии по шкале «левые—правые». В 2001 г. к левым относили прежде всего СЛД, к правым — ГП, ПиС, СС, ЛПС, ИАС (44, с. 201).

Заметим, что в 2003 г. левая идентификация социал-демократов вызывала большие сомнения у поляков. Только 60% респондентов по данным Центра исследования общественного мнения расценивали экономическую программу СЛД как левую и только 64% в качестве таковой признавали политическую программу партии (4, с. 21).

Самой «правой» в 2003 г. поляки признавали ЛПС (54% респондентов). Несколько менее правыми в сознании общества являются ГП и ПиС, а также Самооборона Речи Посполитой.

Самооборону причисляли также к популистским партиям, к которым в общественном сознании относятся и социал-демократы.

Примечательно, что среди партий, руководствующихся главным образом интересами Польши, а не своими узкопартийными, чаще всего называют ГП – 81% (4, с. 26).

ГРАЖДАНСКАЯ ПЛАТФОРМА И ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ. СОЮЗНИКИ ИЛИ СОПЕРНИКИ?

Партия Гражданская платформа в настоящее время бесспорно возглавляет правый фланг польской политической сцены. Об этом свидетельствует ее самый высокий политический рейтинг (превышающий 20% в конце 2003 – начале 2004 г.), достаточно высокая популярность и авторитет ее лидеров.

Не кто иной как один из ведущих политиков ГП Ян Мария Рокита стал самой значительной фигурой польской правницы начала 2000-х годов, хотя он не является главой партии и не занимает важных государственных постов.

Я. Рокита стал «человеком года 2003» – звание, присуждаемое достаточно влиятельным журналом «Впрост».

Именно он при обсуждении проекта Конституции ЕС особенно решительно настаивал на сохранении выгодных для Польши условий договора Ниццы, что воплотилось в сформулированном Рокитой лозунге «Ницца или смерть». Такая позиция для многих поляков ассоциировалась с наличием польских национальных интересов и необходимостью их защиты.

Именно в 2003 г. во многом благодаря Роките было отчасти восстановлено политическое равновесие – к левой ноге прибавилась правая – консервативно-либеральная.

Своим девизом Я.М. Рокита считает слова министра иностранных дел межвоенной Польши Ю. Бека: «Есть лишь одна вещь в жизни людей, народов и государств, которая бесценна. Это – честь». Он вообще склонен обращаться к традициям межвоенной Польши. Возможно, в связи с происхождением и воспитанием: он родился и вырос в Кракове, в традиционной польской семье, живущей во многом традициями той

Польши. Он идентифицирует себя как либерального консерватора, сторонника Ф. Хайека, А. Токвилля, К. Поппера.

В начале 2003 г. его рейтинг был около 10%, в конце – 41–46%, второй после А. Квасьневского. В начале года ГП поддерживало 10%, в конце – 26% (40, с. 23).

Рокита не скрывает своего желания стать премьером. Именно премьером, а не президентом, так как президент не имеет в Польше реальной власти.

О Роките говорят, что еще в детстве на вопрос о том, кем он хочет стать, юный Ян ответил – премьером (по другой версии – президентом). Сам Рокита, хотя и смеется над этой легендой, но признает свои политические амбиции и заявляет, что «... в политику идут с тем, чтобы занять самые высокие должности. Истинная власть – в кабинете премьера и получение ее – цель каждого политика. Если кто-то не стремится к этому, значит он на это неспособен» (18, с. 35).

По поводу Я.М. Рокиты шутят, что это «на одну треть – мужчина, на одну треть – женщина и на одну треть – дьявол» (шутка основана на звучании имени – Ян Мария и фамилии: слово «рокита» среди прочих имеет в польском языке значение – «леший»).

Его политическая биография связана с оппозиционным движением. С 1980 г. Я. Рокита возглавляет Независимое объединение студентов в Краковском университете (где он учился тогда на юридическом факультете). Во время военного положения Рокита был в списках лиц подлежащих интернированию, скрывался от службы безопасности (однажды даже использовал для этого женскую одежду), но все же был в конце концов арестован. До конца 80-х годов не мог заниматься юридической практикой из-за преследования властей.

В 1989 г. был членом Гражданского комитета при Лехе Валенсе, участвовал в работе «круглого стола».

В 1990 г. Рокита становится депутатом сейма X созыва и в том же году участвует в создании движения Гражданское движение – Демократическое действие, преобразованное позднее в Демократический союз, а затем в Союз свободы.

В 1992 г. Я. Рокита – глава канцелярии Совета министров в правительстве Х. Сухоцкой, правая рука премьера. В 1993 г. после некоторых внутрипартийных конфликтов оставляет ряды СС, а в 1997 г. вступает в Консервативно-крестьянскую партию. В 2000 г. становится главой этой партии, которая тогда же присоединяется к ИАС.

В 2001 г. Я. Рокита оставляет ряды Консервативно-крестьянской партии и связывает судьбу с Гражданской платформой, парламентскую фракцию которой в сейме он возглавляет в настоящее время.

В 2003 г. Я. Рокита обретает особую популярность, действуя в качестве члена комиссии сейма по расследованию «аферы Рывина» (скандальной истории, связанной с предложением Л. Рывина А. Михнику заплатить некую сумму в обмен на выгодные условия деятельности «Газеты выборчей»). Л. Рывин выступал от имени власть имущих (хотя и неофициально). А. Михник записал разговор на пленку и сделал его достоянием гласности. К делу косвенным образом оказались причастными и Л. Миллер, и А. Квасьневский. «Афера Рывина» стала одним из самых громких политических скандалов в Польше 2002–2003 гг.).

Стиль деятельности Я. Рокиты Я. Станишкис (одна из самых авторитетных польских социологов и политологов) определяет как «популистский либерализм» (38, с. 3).

Это популизм, понимаемый как стремление сделать политику привлекательной для избирателя. Рокита рассматривает такой популизм как своеобразный политический театр: если совсем отказаться от театрализации политики, то очень легко можно уйти в политическое небытие.

Но именно эта склонность к театрализации завела, по мнению Я. Станишкис, Рокиту слишком далеко, побудив выступить с лозунгом «Ницца или смерть». Между тем будущее Рокиты, а его Станишкис рассматривает как одного из самых перспективных польских политиков, связано во многом с тем, сумеет ли он реинтерпретировать лозунг «Ницца или смерть», перейти с политического языка на институциональный, осуществить европеизацию польского государства (подробнее данная проблема рассматривается в разделе «Правица в контексте европейской интеграции». – Авт.)

Ставшая самой популярной партией Польши именно благодаря Роките, ГП отнюдь не является в его представлении идеальной партией, но является лучшей среди существующих. Рокита полагает, что в вопросах экономических он более либерален, чем ГП, а в вопросах мировоззренческих и идеологических – более консервативен (1, с. 38).

ГП возникла в 2001 г. как партия, способная лучше, чем ее идейная предшественница – партия Союз свободы – выражать «роевропейские, прорыночные, проинтеллигентские интересы». Именно это заявляет глава ГП Д. Туск – один из известнейших польских либералов. Выпускник Гданьского университета, автор нескольких популярных в стране

исторических монографий — «Жил-был Гданьск», «Гданьск 1945», «Старый Сопот» — Д. Туск явился автором букваря на кашубском языке, а также десятков статей по общественно-политической проблематике и одной из программных книг польских либералов «Идеи гданьского либерализма». По результатам плебисцита «Гданьчанин тысячелетия» Д. Туск вошел в первую десятку самых знаменитых жителей Гданьска.

Д. Туск с самого начала своей политической деятельности был связан с оппозиционным движением, с «Солидарностью». С 1991 г. он становится лидером партии Либерально-демократический конгресс, после объединения его с Союзом свободы — заместителем председателя СС. В 2001 г. он выходит из СС и становится одним из основателей ГП. Д. Туск — опытный парламентарий. Он был депутатом сейма в 1991—1993 гг., является в настоящее время вице-спикером сейма и сенатором.

У истоков ГП стоял и еще один видный политик современной Польши — А. Олеховский. В свое время он выступал соперником А. Квасьневского на президентских выборах, соперником достаточно успешным. Собственно говоря, успех А. Олеховского и стал непосредственным поводом к созданию ГП как партии, способной объединить сторонников правицы.

Позднее А. Олеховский отошел от активной деятельности в партии и разрушил некогда гармоничное трио лидеров ГП — их называли «три тенора» (по аналогии с известными итальянскими тенорами Каррересом, Доминго и Паваротти).

В это трио входили Д. Туск, А. Олеховский и М. Плажиньский. Сейчас в качестве лидеров ГП остался только Д. Туск. Его заместителем является профессор З. Гиловска (одна из наиболее активных и известных польских обществоведов). Я. Рокита возглавляет парламентскую фракцию ГП.

Гражданская платформа выступала на выборах 2001 г. под лозунгом: «Наша программа — нормальные люди, нормальное государство». В экономическом разделе программы ГП на первый план выдвигает проблемы занятости (что вполне закономерно в условиях роста безработицы в стране). Ключ к решению проблемы ГП видит в развитии среднего и мелкого предпринимательства, полагая, что крупные предприятия, как частные, так и государственные не решают проблемы. В ЕС малые предприятия (с числом занятых до пяти человек) дают работу в неаграрном секторе 39% работающих. В Польше — только 23% (51, с. 177).

Поставленная цель может быть достигнута, в частности: преодолением бюрократических препон в развитии среднего и мелкого бизнеса; снижением затрат на предпринимательскую деятельность (в том числе и за счет уменьшения выплат по больничным листам предпринимателями), снижением оплаты сверхурочного труда и т.д.; восстановлением равновесия в отношениях работников и предпринимателей (в основном в плане предоставления больших прав работодателям).

ГП выступает как решительный сторонник единого для всех 15%-ного подоходного налога, что позволит преодолеть стремление многих предпринимателей утаивать свои доходы и в конечном итоге будет способствовать экономическому росту.

Достаточно подробно и обстоятельно рассматривается в программе проблема общественных финансов. Суть предлагаемых мер сводится к достижению реального контроля над общественными финансами и сокращению «непрозрачных» сфер использования их.

Особый раздел программы посвящен польской деревне. ГП убеждена в том, что сельское хозяйство — одна из сфер рыночной экономики и отнюдь не требует какого-то особого подхода. Суть проблемы — в создании равных шансов для жителей села, обеспечивающих рентабельность и стабильность сельскохозяйственного производства. Вступление в ЕС требует модернизации польского сельского хозяйства ввиду необходимости соответствовать новым, европейским критериям.

Одна из ключевых проблем страны в видении ГП — построение сильного государства. Последнее рассматривается не как «общее предприятие, в котором распределяется доход, созданный гражданами», но как «система помощи и поддержки для граждан». Социальная защита, здравоохранение и образование — таковы основные обязательства государства перед гражданами.

ГП полагает, что государство не может уклоняться от помощи беднейшим своим гражданам, тем более, что в Польше уровень помощи бедным и обездоленным ни в коей мере не соответствует представлениям о цивилизованной стране. Реально эта помощь может выражаться: в помощи детям из бедных семей в получении образования на всех уровнях — от начального до высшего; в организации рациональной и адресной системы выплаты социальных пособий; в совершенствовании системы жилищных пособий.

Особое «стратегическое» значение придает ГП развитию образования в стране, исходя из того, что каждый поляк, независимо от мате-

риального положения, должен иметь возможность получения образования, осуществляемого в соответствии с «гибкими» программами, но при контроле качества образования.

Тесно связано с проблемой образования в представлении ГП и развитие науки, тем более, что «цивилизационное отставание Польши связано с недостаточным использованием нашего интеллектуального потенциала» (51, с. 197).

С беспокойством отмечает ГП серьезные проблемы в состоянии здравоохранения страны, неудачные реформы этой системы, предлагает свои меры для улучшения положения дел.

ГП считает, что государство явно недостаточно внимания уделяет обеспечению безопасности граждан, борьбе с преступностью. Такое положение вещей недопустимо и может быть преодолено лишь вследствие осуществления комплекса мер: от лучшего финансирования служб безопасности до совершенствования законодательства. Последнее, по мнению ГП, должно измениться в сторону ужесточения, но до известных пределов, так как опыт показывает, что жестокие наказания не искореняют преступления.

Предлагая свои меры по усилению государства, ГП вместе с тем проводит идею ограничения компетенции государства, предлагает целый ряд мер по совершенствованию избирательной системы, системы самоуправления с тем, чтобы государство без нужды не посягало на свободу граждан.

Партия настаивает на «распартийнивании» государственных структур, ограничении числа назначаемых чиновников с тем, чтобы возникали условия для формирования «аполитичного и профессионального класса управленцев» (51, с. 207).

В качестве наиболее вероятного союзника ГП в будущем сейме рассматривается, как правило, партия Право и справедливость. Лидером партии является Я. Качиньский, биография которого с 1976 г. связана с оппозицией. Вначале он был активным деятелем КОР (Комитета защиты рабочих), затем «Солидарности». Я. Качиньский участвовал в работе «круглого стола», в 1990–1991 гг. возглавлял канцелярию президента Л. Валенсы; он неоднократно избирался депутатом Сейма, в свое время был сенатором. Я. Качиньский активно сотрудничает со своим братом-близнецом Л. Качиньским, также занимающим ведущие позиции в партии, имеющим сходную политическую биографию и в настоящее время являющимся президентом Варшавы.

ПиС часто называют партией братьев Качиньских. Партия Право и справедливость выступала на выборах 2001 г. под лозунгом «Право, справедливость, работа». Партия во главу угла своей политической деятельности ставит задачу создания сильного польского государства, апеллирующего к совершенно определенным историческим традициям. Это традиции «... I Речи Посполитой, борьбы за независимость в период разделов, II Речи Посполитой, борьбы против немецких и советских оккупантов в годы Второй мировой войны, а также история борьбы против коммунистического правительства в Польше, в частности борьбы “Солидарности”» (51, с. 92).

ПиС настаивает на необходимости четкого разграничения традиций борьбы за независимость и традиций польского социализма, который связан, в представлении идеологов партии, с предательством польских национальных интересов. Правда, простые люди, прожившие свою жизнь при социализме и работавшие на благо страны, могут гордиться своей жизнью. Но не потому, что они строили социализм, а потому, что они строили Польшу и сохраняли польские традиции.

Благо Польши неразрывно связано со служением всему народу. III Речь Посполитая должна стать государством именно всего народа, и политики призваны мыслить категориями народа, а не отдельных социальных групп.

Оздоровление, санация Польши должна начинаться с очищения элит. Именно очищение мира политики — первое и основное условие исправления государства. Достижение этой цели возможно на пути обеспечения прозрачности доходов государственных чиновников, ограничения их права на предпринимательство, решительной борьбы с коррупцией.

«Исправление государства» с необходимостью предполагает обеспечение контроля за деятельностью администрации и органов самоуправления. Это обусловлено тем обстоятельством, что в Польше помимо официального механизма управления государством существует и другой, неофициальный механизм. Благодаря его действию, местные элиты действуют исключительно для собственного блага и совершенно бесконтрольно.

ПиС имеет детально проработанную программу совершенствования всей системы органов административного управления, судопроизводства, прокурорского надзора, полиции.

Партия считает необходимой мерой ужесточение борьбы с преступностью и введение в практику судопроизводства более суровых наказаний, особенно за тяжкие преступления.

В качестве основного фактора внешнеполитической деятельности государства ПиС рассматривает принадлежность Польши к НАТО и союз с США. Другим определяющим фактором является вхождение Польши в ЕС, но только на приемлемых для страны условиях, обеспечивающих ей сохранение национально-государственных интересов.

Позиция Польши как в НАТО так и в ЕС во многом определяется ее ролью в регионе. Поэтому успешная внешняя политика немислима без добрососедских отношений с прибалтийскими республиками, а также Украиной, Беларуссией и Россией. Относительно последней ПиС подчеркивает необходимость преодоления тяжелого исторического наследия.

Экономический раздел программы ПиС основывается на декларировании стремления построить в Польше «народный капитализм», т.е. капитализм «для всех, кто благодаря своему честному и упорному труду» стремится обеспечить благосостояние себе и своим семьям.

ПиС полагает, что в период после 1989 г. поляки показали свою необыкновенную предприимчивость и многие, начав с мелочной уличной торговли, добились серьезных успехов в организации собственного дела. Именно мелкий и средний бизнес должны лежать в основе развития польской экономики. ПиС решительно выступают в защиту мелкого и среднего бизнеса, считая необходимым обеспечить ему всемерную поддержку со стороны государства, не дать крупному предпринимательству «задавить» мелкое и среднее. Особенно решительно ПиС выступает против необоснованного развития сети супермаркетов, подрывающих мелкую торговлю.

Достаточно подробно разработаны в программе ПиС разделы, касающиеся культуры, науки, образования. По мнению идеологов партии, в сфере развития последнего предстоит достаточно серьезная работа, так как наряду с увеличением числа высших учебных заведений в стране имеет место падение общего уровня образования, уничтожение инфраструктуры культуры и образования.

Либеральный подход к организации системы образования не оправдал себя. Необходима некая единая концепция, единый минимум знаний, обязательный для всех образовательных программ.

Весьма жестко ПиС настаивает на том, что школа обязана воспитывать детей в духе несомненного признания достоинств демократического государства и, одновременно, осознания «преступного характера тоталитарных режимов — коммунизма и фашизма. С этих позиций должна быть представлена история ПНР» (51, с. 116).

В разделе «Социальная политика» в качестве основы таковой рассматриваются борьба с безработицей, эффективная система здравоохранения и жилищная политика.

Программу ПиС правомерно оценить как достаточно противоречивую, сочетающую в себе и либеральные, и консервативные, и христианско-демократические ценности.

О будущем правлении ГП и ПиС говорят как о проблеме решенной. Вопрос лишь во времени. Но в реальности коалиция двух партий будет складываться не очень просто. Разногласия есть и тактического, и стратегического характера. Обе партии не монолитны. В ГП есть этатистское направление, в ПиС — либеральное. Хотя оба не очень сильны.

Причиной разногласий могут стать, по мнению П. Вроньского, борьба двух харизматических лидеров — Я. Рокиты и Я. Качиньского — и особенно их разные взгляды на государство как политический институт.

ПиС представляет целостный, этатистский образ будущей Польши. В частности, Я. Качиньский говорит о ней как о государстве с сильной президентской властью, с выраженной национально-христианской идеологией, где основой экономики является социальная доктрина церкви с ее акцентированием инвервенционизма государства во имя защиты бедных.

ГП рисует образ «дешевого государства», т.е. стремящегося ограничить привилегии власти, численность сейма и сената. Как партия, тяготеющая к либерализму, она стремится к ограничению роли государства в экономике. ПиС призывает к созданию IV Речи Посполитой, т.е. разрушению системы, сложившейся в 1989 г. Причем именно к разрушению. Партия призывает к встряске, экстраординарным методам, «проветриванию» органов управления и администрации, замене коррумпированных чиновников новыми, «честными и чистыми» (50, с. 16).

ГП включает в себя многих политиков, создававших III Речь Посполитую и хотя и не считающих ее совершенной, но видящих в ней некую ценность, которую надо менять эволюционным, а отнюдь не революционным путем.

И Я. Рокита, и Я. Качиньский мало склонны к компромиссам. Об этом свидетельствует их политическая карьера, изобилующая весьма серьезными изгибами и колебаниями. Я. Качиньский в свое время был ближайшим сотрудником Л. Валенсы, но затем ушел от него и превратился в непримиримого критика президента.

Я. Рокита — один из активных членов СС, оставил эту партию после некоего внутрипартийного конфликта, создал свою партию — Консервативно-крестьянскую (СКЛ), затем оставил и ее.

Таким образом, потенциально коалиция ГП и ПиС вполне возможна, но отнюдь не predetermined. Некоторые аналитики в Польше предрекают и другую возможность: коалиции ГП с частью СЛД в случае раскола последней и выделение некой гипотетической проевропейской и пролиберальной фракции.

«РОДИНА – ЭТО ВЕЛИКАЯ ОБЩАЯ ОБЯЗАННОСТЬ»

Эти слова польского поэта К.Ц. Норвида (1821–1883) являются девизом Христианско-национального объединения (ХНО), созданного в 1989 г. и являющегося одной из самых «старых» партий демократической Польши.

ХНО апеллирует к нескольким традициям польской политической мысли: традициям национальной независимости, христианской демократии, рабочего и крестьянского движения в их христианской и консервативной составляющей. Партия декларирует в качестве своей цели «политическую деятельность, служащую благу польского народа и государства, а также формирование общественной жизни, основанной на учении Церкви» (32, с. 150). Членом ХНО может быть только верующий человек.

Декларируемые ХНО ценности — это прежде всего народ и католическая религия. Народ понимается как общность культуры, религии, исторической судьбы.

Католическая религия рассматривается партией как интегральная составляющая государственного бытия, выходящая за пределы только частной жизни. ХНО предполагает, что «польское государство должно носить христианский характер». Эта установка партии проявилась в ее практической деятельности в период участия в работе правительств Я. Ольшевского, Х. Сухоцкой, Е. Бузека.

Один из основных программных постулатов ХНО — сильное государство. Причем партия не приемлет ни либеральной, ни коммунистической трактовки государства, рассматривая последнее в несколько абстрактных категориях гаранта гражданских свобод и демократии.

Критикуя ныне действующую конституцию, программа ХНО в качестве образца нередко использует практику межвоенной Польши, а также современной Европы и Америки, усматривая в ней некий идеал отношений между ветвями власти (это отчетливо видно в программе партии).

Особое внимание в последней уделяется проблемам борьбы с преступностью. Несколько неожиданно для партии, апеллирующей к христианским ценностям, ХНО выступает с требованиями ужесточения наказаний за совершение преступления, критикует «либерально-гуманитарную» доктрину милосердного отношения к преступникам и слабой защиты их жертв, выступает за отмену права президента на помилование. В разделе «Сильное государство» программа ХНО затрагивает самый широкий спектр безопасности: от безопасности городских улиц до безопасности государственных границ. Особое внимание уделено проблемам энергетической безопасности. ХНО считает недопустимой практику такой организации снабжения страны энергетическими ресурсами, при которой она попадает в зависимость едва ли не «неоколониального характера». Хотя источник этой зависимости в программе прямо не назван, нет сомнений в том, что речь идет о России и о газопроводе через польскую территорию, соглашение о строительстве которого (в результате соглашения между Газпромом и польскими олигархами) в свое время широко обсуждалось в Польше. Особо негативную реакцию вызвала прокладка некоего кабеля, параллельно газопроводу, который, якобы, использовался Россией для сбора информации разведывательного характера.

В разделе «Сильная семья, сильный народ» особый акцент делается на семью, как основной элемент общественной и национальной жизни. Семья, по мнению ХНО, должна быть окружена всесторонней заботой государства: от детских пособий и школьных завтраков до увеличения продолжительности отпусков по уходу и воспитанию детей. Но польская семья должна придерживаться традиционных христианских ценностей: ХНО решительно выступают против гомосексуальных браков, абортов и эвтаназии.

В программе не обойдены вниманием вопросы образования, здравоохранения и предоставления жилья всем в нем нуждающимся.

В разделе «Сильная экономика» программа ХНО исходит из того, что сила государства и сила народа в значительной мере зависят от сильной экономики. Плановая экономика оказалась несостоятельной, но единой модели капиталистической экономики не существует. В каждой стране, в зависимости от социально-экономических и исторических особенностей, действует своя модель капитализма. «В любом случае, однако, правительство, парламент, центральный банк — не могут быть свободны от ответственности за состояние экономики, а также за социальные последствия развития рыночных отношений. Фундаментом польского капитализма должны быть принципы поддержки, социальной справедливости, солидарности и общего блага» (33, с. 19).

Выступая за гарантии экономической свободы, ХНО вместе с тем придерживается принципа защиты общего блага, считая, что эти постулаты вполне совместимы.

Особый акцент в экономической части программы делается на защиту малого и среднего предпринимательства. ХНО призывает поставить заслон супермаркетам, представляющим угрозу для мелкой торговли и малого предпринимательства и что особенно опасно — для семейного бизнеса.

Принцип социальной справедливости требует создания для безработных шансов на получение работы. ХНО критически оценивает политику «охлаждения» экономики, проводимую в свое время правительством Л. Бальцеровича, а затем продолженную Советом денежной политики и считает, что государство обязано заботиться о рабочих местах для населения и об экономическом росте.

Принцип солидарности понимается ХНО в преломлении конкретной польской действительности как необходимость оказания помощи крестьянам, а также рабочим, занятым в ликвидируемых отраслях добывающей и перерабатывающей промышленности.

Польское крестьянство, в частности, не должно остаться без помощи государства перед лицом серьезных проблем, связанных со вступлением страны в ЕС.

Одна из наиболее острых проблем в сегодняшней Польше в программе ХНО рассматривается со следующих позиций:

- народы, образующие ЕС, должны быть субъектами политики;
- основой социального порядка в ЕС должны быть ценности христианской цивилизации. «Европа без ценностей» рассматривается ХНО

как серьезная угроза рецидивов тоталитаризма и потенциальной возможности возобладания права сильного, без учета моральной правоты.

«Вступление в ЕС мы не рассматриваем как самоцель. Мы считаем этот шаг правильным, так как польза для нашей страны будет большей, чем цена за вступление. В споре о характере Союза мы последовательно поддерживаем идею создания Европы отечеств, а не федерации по образцу «Соединенных штатов Европы» (33, с. 29).

Партия решительно выступает в защиту польской собственности на землю при вступлении в ЕС, аргументируя свои опасения печальным историческим опытом отношений с немцами.

ХНО настаивает на самостоятельности Польши в вопросах морали и религии и после вступления в ЕС, особенно настаивая на необходимости сохранения традиционных браков, запрете абортотв и эвтаназии.

ХНО выступает за решительную декоммунизацию общественной и государственной жизни, за осуждение лиц, причастных к «преступлениям против польского народа в период коммунизма». Партия решительно поддерживала проект декоммунизации, предложенный в 1991 г. — ИАС, участвовала в подготовке закона о люстрации, принятого сеймом.

Представители ХНО достаточно активно участвуют в политической жизни страны (за исключением тех периодов, когда у власти преобладают социал-демократы).

ХНО неправомерно считать неким идейным и политическим монолитом. Уже у его истоков стояли 300 представителей 20 различных политических формаций, в настоящее время в объединение вступают новые члены (так, в начале 2000-х годов в ХНО вошли монархисты, часть организации Всепольская молодежь) и, вместе с тем, некоторые политические объединения оставляют ХНО.

Партия осуществляет активную внешнюю политику, поддерживая отношения с партиями радикальной европейской правицы. Одним из наиболее ярких лидеров партии, ее основателем и многолетним лидером (сейчас уже почетным) является В. Хжановский, человек, вся жизнь которого связана с оппозиционной деятельностью. Адвокат, профессор, советник «Солидарности», член Общественного совета при примасе Польши, в свое время бывший министром в правительстве Я.К. Белецкого, сенатором, спикером Сейма, политик в стране уважаемый и авторитетный.

В. Хжановский считает, что его партия — одна из немногих в Польше, основанная на идее, хотя большинство современных политиков

считает такое основание слишком зыбким. Он подчеркивает, что обращение ХНО к традициям межвоенной эндеции¹ — это не механическое возвращение к давно минувшему, а некое новое качество, обусловленное новыми реалиями. ХНО никогда не было радикальным политическим объединением. Об этом свидетельствует не только идеология партии (заметим, свободная от антисемитизма и ксенофобии), но и ее политическая практика, в частности, практика союза с политическими силами иной политической ориентации, например СС (5, с. 79).

В настоящее время ХНО переживает не лучшие времена и в известной степени потому, что определенная часть электората ХНО тяготеет к партиям более радикальной и простой, «черно-белой» национально-католической ориентации. Именно к таким партиям можно отнести Лигу польских семей (ЛПС), партию, объединяющую несколько различного рода националистически ориентированных организаций. Импульсом к объединению националистических сил стала деятельность краковского клуба «Мысль для Польши», объединяющего интеллектуалов данной политической ориентации. С 1999 г. клуб проводил идею объединения всех национальных сил. 1 января 2001 г. по радио Мария В. Хатка (глава Великопольского крестьянского банка) призвал к созданию Лиги польских семей. И объединение состоялось. На выборах 2001 г. ЛПС получила голосов больше, чем ИАС и СС вместе взятые. 36 депутатов в сейме от этого объединения представлены довольно яркими фигурами: А. Мачеревич, З. Вжодак, Г. Яновский, Р. Гертых, М. Котлиновский.

В ЛПС представлены и антикоммунистические позиции Мачеревича и лояльная к левым позиция Лопушаньского. В целом, однако, можно говорить о «неоэндецкой» идеологии.

Заметим, что в политической жизни современной Польши достаточно серьезную роль играют исторические традиции. При всем прагматизме польских политиков (неоднократно отмечаемом исследователями) неправомерно было бы отрицать роль истории в формировании идейной и политической идентичности политических партий.

Недаром Е. Гедройц (1906–2000) — многолетний редактор издаваемого в Париже и популярного в Польше журнала «Культура») — говорил применительно к реалиям 90-х годов, что «Польшей праят гробы

---

¹ Эндеция — от названия партии — Национальная демократия, действовавшей в Польше межвоенного периода. Идеи лидера партии — Р.Дмовского имеют немало сторонников в современной Польше.

прежде живших поляков», имея в виду огромное влияние исторического наследия на сознание ныне живущих. Высказывание Гедройца не осталось незамеченным и вызвало достаточно оживленное обсуждение в прессе и на телевидении.

Редактор «Культуры» имел в виду не историю вообще, а двух конкретных политиков-идеологов XX в., имена которых известны всем полякам самого разного уровня культуры и образования. Это Ю. Пилсудский и Р. Дмовский, олицетворяющие исторические традиции, два представления о политическом и моральном порядке, две стратегии создания Польши: государственно-демократическую, связанную с именем Пилсудского, и национально-демократическую, связанную с Дмовским (23, с. 131).

Программа партии Лига польских семей отличается краткостью и жесткостью формулировок. Сам девиз партии «Польше — независимость, полякам — работа, хлеб, жилье» уже о многом свидетельствует.

Партия призывает к коренному переустройству всего польского государства, выступает за внесение в Конституцию Польши слов о Боге, достойных «католического народа», настаивает на акцентировании суверенитета польского государства, национальной ориентации внешней политики.

ЛПС выступает против перехода «польской собственности в чужие руки», против приватизации стратегически важных для государства отраслей экономики (таких, как энергетика, добывающая промышленность, транспортная инфраструктура).

ЛПС за концентрацию капитала в «польских руках», за защиту польского рынка от иностранной конкуренции. Партия выступает решительно против необоснованных масштабов импорта продовольствия, считает, что «народ, который не может себя прокормить не может быть свободным народом» (51, с. 241).

ЛПС отнюдь не призывает к модернизации польского сельского хозяйства, настаивая на необходимости сохранения и малых хозяйств. Свою программу ЛПС называет программой «национального солидаризма», все разделы программы считает взаимосвязанными и проникнутыми одной идеей — сохранением суверенитета и отстаивания интересов польского государства.

«Вопрос стоит так: будем ли мы реализовывать польские программы или программы, чуждые Польше? Следовательно — будем ли мы иметь работу, есть польский хлеб и иметь польский дом или в составе

Евросоюза или другой современной Вавилонской башни будем импортировать безработицу, есть чужой хлеб и жить на улице?» (51, с. 243).

Следует отметить, что в последнее время ЛПС несколько смягчила свою антиевропейскую позицию. Один из лидеров партии Р. Гертых делает акцент не на отрицании европейской интеграции как таковой, а на необходимости соблюдения интересов Польши.

Кроме того, ЛПС несколько дистанцировалась от ультракатолического радио Мария, что, конечно, не могло понравиться радикальному электорату, но зато придало партии более цивилизованный, если можно так выразиться, облик.

Лига польских семей представляет политическое направление польского национализма. По мысли представителя этого направления М. Жоховского, в основе польского национализма лежат принципы христианства, католическая религия, латинская цивилизация, уважение достоинства других народов, признание гражданских свобод, неприятие тоталитарных систем (45, с. 77).

По мнению социолога П. Спевака, составляющими националистической идеологии являются, в частности, детерминированность человека его национальной принадлежностью, определяющей его сознание и стиль жизни; понимание народа как некоей органической целостности, имеющей характерные только для нее черты; признание возможности самореализации человека только в лоне своего народа, признание приоритета национальных целей над общечеловеческими (41, с. 168–169).

Современные польские националисты отдают себе отчет в недостаточной разработанности национальной идеологии, отмечая при этом, что современный национализм значительно отличается от национализма XIX и XX вв. На страницах таких изданий, как «Щербец», «Глос народа», «Мысль польска» и других получили свое отражение взгляды современных польских националистов, обобщенные, в частности, в работе вроцлавского исследователя Г. Токажа (45). В монографии отмечается, что польские националисты решительно отмежевываются от фашизма и национал-социализма, где существенную роль играют расовые элементы. Причисляя расизм, националисты декларируют «уважение ко всем расам, народам и людям... если мы ведем политическую борьбу с людьми, то не из-за их расовой принадлежности, а из-за их антипольского национализма» (45, с. 2).

Однако на деле все оказывается несколько сложнее, и трудно сочетать вышеприведенное утверждение с неоднократными высказыва-

ниями националистов о нежелательности и вреде совместного проживания представителей разных рас и народов (45, с. 80).

Идеология национализма отрицает такие либеральные ценности, как толерантность или мировоззренческий нейтралитет, эмоционально выступая в защиту традиционных ценностей.

Националисты противопоставляют идеи национализма и патриотизма, считая, что последний носит чисто эмоциональный характер. Национализм же подразумевает разумную, осознанную любовь к своему народу.

Националисты вряд ли согласились бы с размышлениями о патриотизме и национализме старейшего польского публициста Е. Новака-Езераньского, но привести их здесь, в данном контексте, представляется небезы兴тересным. «Патриотизм — пишет Е. Новак-Езераньский, — это чувство. Национализм — мировоззрение. Патриотизм — это чувство любви к духовной и материальной общности всех поколений, как живших прежде, так и будущих. Сообщества людей, живущих на этой земле, имеющих общий язык, общее прошлое, традиции, обычаи и культуру...

Патриотизм — это высокая моральная ценность, ибо чувство привязанности к своей стране не сопровождается ненавистью и враждой к другим. Патриотизм несет в себе уважение и симпатию к патриотизму других. В отличие от национализма, патриотизм не конфликтогенен. Напротив, часто, хотя и не всегда, ему сопутствует чувство солидарности с патриотическими движениями других народов.

Подытоживая, можно коротко сказать, что патриотизм это добродетель, а национализм — грех. Для христиан и людей, разделяющих принципы христианской этики, национализм — это грех против самой важной заповеди — любви к ближнему...

Национализм — это идеология, которая в представлении ее адептов освобождает их от всех этических обязательств. Собственный народ — превыше всего. Он является сверхцелью, которой надо подчинить иные цели, собственные стремления, амбиции и планы, личные, групповые и классовые интересы. Признание национального интереса сверхцелью освобождает от соблюдения этических и моральных норм.

Такая ориентация коренится в понимании прогресса как постоянной борьбы видов, в которой побеждает сильнейший, уничтожая слабого» (28, с. 15–16).

По мнению идеологов крайнего национализма, деятельность, направленная на достижение национальных целей, должна носить беском-

промиссный характер. Компромиссы возможны лишь в тактических вопросах. Даже угроза политической маргинализации не должна быть основанием для идейных уступок (45, с. 84).

Такое ключевое понятие для рассматриваемой идеологии, как народ трактуется как некое сообщество, принадлежность к которому не выбирается. Понятие народа тесно связано с понятием семьи: народ — это семья семей. Именно семья сплачивает народ. Причем семья традиционная, где отец — глава и добытчик, а мать — воспитательница детей. Защита семьи — это и есть защита народа.

Народ — это и духовное сообщество, обладающее определенным самосознанием, душой. Семья и самосознание позволяют народу существовать и без государства (во всяком случае на определенных этапах своего развития).

В настоящее время существование народа под угрозой и этому следует противостоять. Источник опасности в космополитических и интернациональных идеях, проникающих в Польшу, а также в тайных международных организациях, прежде всего масонских.

Угрозу национальному бытию представляют и перенимаемые с запада образцы демократического правления. Демократия способствует утверждению власти далеко не самых достойных людей. Побеждает крикливое и нахальное меньшинство, порождая защитников своих интересов. Настоящие духовные лидеры, носители таких ценностей как честь, достоинство, величие остаются не востребованными (45, с.84–86).

Националисты весьма критически относятся к идущим в Польше экономическим преобразованиям, в частности, к приватизации, считая, что она приводит к подрыву национального благосостояния и передаче польской собственности в руки иностранцев. Основой экономического развития должна быть корпоративная система, подразумевающая частную собственность и экономическую свободу, но в определенных правовых пределах, определяемых профессиональными корпорациями.

Националисты полагают, что в настоящее время польского народа (в их понимании этого слова) не существует. Есть только польское общество, в котором во главу угла поставлены такие ценности, как социальное обеспечение и материальное благосостояние, что соответствует духу времени и идеалам демократии. Эти идеалы противоречат духу народа, но чтобы возродить его, нужна долгая и кропотливая работа (45, с. 84–98).

Размышляя о природе национального, такие идеологи польского национализма как Б.Козел, К.Ролицкий, М.Гертых, М.Войче-ховский, П.Сергейчик достаточно большое значение в бытии народа придают государству, считая, что политическими субъектами являются только народы, обладающие государственностью. В связи с этим они умеренно критически оценивают историю Польши после 1945 г., полагая, что само существование польской государственности в «советский период», а также установление северо-западных границ Польши после Второй мировой войны можно оценить положительно (35, с. 3).

Все националистические политические группировки постулируют идею создания национального государства, реализующую идею национального суверенитета и являющегося своеобразной эманацией народа, его внешней формой.

Говоря о польских националистах, совершенно невозможно обойти вопрос об их отношении к религии. Подчеркивая свою безусловную связь с католицизмом, националисты настаивают на его традиционной версии, решительно осуждая все модернистские перемены, последовавшие после II Ватиканского Собора. Поддерживая в принципе идеи епископа Лефевра, националисты вместе с тем не отказываются от повиновения папе Римскому (10, с. 17).

II Ватиканский собор, по мнению националистов, нанес серьезный удар традиционной церкви, изменив порядок литургии, каноническое право и т.д. Ведь эти перемены означали разрыв с традицией, уступки либералам и «левым», а также ориентацию не на народ, а на элиты (10, с. 43—48; 45, с. 123). Среди опасностей, грозящих современному католицизму, прежде всего называются масонство и иудаизм, возможность диалога с которым националисты решительно отвергают.

Подчеркивая роль и значение католицизма как оплота польского национального духа, отмечая связь католицизма и польской истории, националисты вместе с тем выступают решительно против вмешательства церкви в политику. От такого вмешательства происходит лишь падение авторитета церкви. Именно так было в 1991 г., когда церковь поддержала В.Хжановского и его Христианско-национальное объединение. Но в сейме ХНО не смог проявить себя как истинно католическая политическая формация, что обусловило дискредитацию церкви (22).

Националисты не останавливаются перед критикой церковной иерархии, считая, что она не всегда действует в соответствии с истинными интересами церкви и народа (45, с. 132).

В своем видении международных отношений и внешней политики Польши националисты исходят из необходимости соблюдения трех принципов: суверенитета, интегральной целостности и нейтралитета.

Наибольшую опасность для суверенитета Польши националисты видят в западном соседе — Германии, что предопределено и географически, и исторически, а, кроме того, связано со спецификой национального характера немцев. Способом противостояния этой потенциальной немецкой угрозе может быть союз с Россией.

Заметим, что в этом националисты вполне соответствуют представлениям Р.Дмовского и его концепции соглашения с Россией.

Ориентация на союз с Россией не исключает необходимого, по мнению националистов, союза с Украиной, Беларуссией, республиками Прибалтики, а также государствами — членами Вышеградской группы. При этом большинство идеологов польского национализма акцентируют необходимость тесных контактов и сотрудничества со славянскими народами, что обусловлено общностью происхождения, культуры и традиций (45, с. 148—187).

В прессе польских националистов не обойден вниманием и вопрос об отношении к национальным меньшинствам. Хотя в Польше их численность невелика — около 1 млн. человек или 2,5% от общего числа населения (данные о численности национальных меньшинств разнятся между собой довольно значительно в зависимости от инстанции, проводящей подсчет. Но принципиально это не меняет общей картины).

Польша послевоенная коренным образом отличается от довоенной (т.е. Польши 1939 г.), в которой национальные меньшинства составляли до 1/3 населения (3, с. 23).

Самое многочисленное национальное меньшинство — немецкое, составляющее от 260 до 350 тыс. человек по официальным данным. По неофициальным — немцев в четыре раза больше. Больше всего немцев проживает в Силезии и Поморье.

Вторая по численности группа национальных меньшинств — украинцы и часто причисляемые к ним лемки (250—300 тыс.), проживающие в разных регионах Польши. Затем следуют белорусы (200—250 тыс.), литовцы (10—20 тыс.). Остальные национальные меньшинства — словаки, чехи, русские и евреи — немногочисленны (24, с. 24—25). В последней переписи населения, проводимой в Польше в 2002 г., впервые с 1946 г. был поставлен вопрос о национальном и родном языке. В прежде про-

водимых переписях (1950, 1960, 1970, 1978 и 1988) таких вопросов не было.

Ответ на него оказался для многих граждан Польши не совсем простым. Непростой оказалась и интерпретация полученных ответов. Некоторые представители меньшинств опасались дискриминации в случае декларирования непольской национальности, в ряде местностей шли споры о том, какую национальность следует указывать: истинную или традиционно называемую. Последнее запутанное обстоятельство связано с тем, что в некоторых регионах принято считать всех православных белорусами, хотя на деле многие из них — украинцы. Возникали проблемы и с идентификацией такой, например, декларации: «Силезец, польского происхождения» или «силезец, немецкого происхождения» (3, с. 25–27).

Одним словом, малочисленность национальных меньшинств еще не повод считать эту проблему малозначимой.

Политики, тяготеющие к польскому правому национализму, декларируют свое полное уважение к правам национальных меньшинств и безусловную толерантность. Но при одном условии — доминирующая роль должна принадлежать польской национальной культуре. Совершенно очевидно, что соблюсти это условие на практике достаточно сложно, а критерии соблюдения весьма неопределенны. Политики польского национализма, не согласные с ныне действующей конституцией, в преамбуле к которой употребляется понятие «Мы — польский народ — все граждане Речи Посполитой». Националисты полагают, что национальные меньшинства, возможно, отнюдь не ощущают себя польским народом.

В свое время националисты критиковали деятельность Л. Куроня, возглавлявшего в сейме комиссию по делам национальных меньшинств, считая, что он ослабляет польский народ, потворствуя национальным меньшинствам и предоставляя им слишком много привилегий (52, с. 3).

Наибольшие опасения у националистов вызывает немецкое национальное меньшинство, являющееся в их представлении своеобразной «пятой колонной» Германии. Националисты полагают, что Германия создает немецкое меньшинство в Польше искусственно, «покупая» поляков (т.е. за деньги побуждая их декларировать себя немцами).

Националисты негативно относятся к институциональным органам, представляющим немецкое национальное меньшинство — немецкому представительству в сейме, деятельности общественно-культурного

общества немцев. Беспокорство вызывают также такого рода действия, как установка памятников немецким солдатам на территории Силезии, двуязычные надписи, применяемые в этом регионе при обозначении названий улиц и т.д. С подозрением относятся националисты к присутствию немецкого капитала в польской экономике, переходу ряда региональных газет в немецкие руки.

По мнению националистов, так называемые «возвращенные земли» (т.е. земли, отошедшие к Польше после Второй мировой войны) колонизованы лишь поверхностно, и это создает благоприятные шансы для Германии утвердиться на этих землях как экономически, так и духовно. Последствия же могут быть для Польши самыми печальными, вплоть до нарушения интегральной целостности польского государства.

Сторонники идеологии радикального национализма не имеют в Польше достаточно значимого институционального представительства. Существует целый ряд мелких политических партий, которые без большого преувеличения можно назвать «диванными» (т.е. такими, все члены которых могут уместиться на диване).

Рейтинг этих партий, а также их лидеров весьма невысок, составляя от нескольких долей процента до нескольких процентов.

Тем не менее данное политическое направление присутствует на польской политической сцене, оказывает определенное влияние на общественное сознание, а уровень этого влияния зависит от многих факторов общественной и политической реальности.

Националистическая составляющая польской политической жизни, конечно же, не определяющий, но, несомненно, реальный фактор ее развития, существующий на протяжении всего периода демократических преобразований и таящая в себе как потенциальную возможность превращения в политическую силу достаточно цивилизованную и соответствующую требованиям современности, так и опасность превращения в крайне националистическое и ограниченное, маргинальное политическое направление вряд ли имеющее будущее.

САМООБОРОНА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ – «НОРМАЛЬНАЯ ПАРТИЯ НОРМАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ» ИЛИ ПАРТИЯ ПОПУЛИСТОВ?

В современном политическом дискурсе популизм — едва ли не самое широко употребляемое слово. Вместе с тем попытки научного описания, изучения этого понятия достаточно сложны, хотя и существует целый массив литературы, посвященной данному предмету.

По мнению философа и историка общественной мысли Е.Шацкого, одна из основных и, пожалуй, самая характерная черта популизма — убежденность в том, что народ — это оплот всяких добродетелей, коллективной мудрости, позволяющей отличать добро от зла (*vox populi — vox Dei*). Без этого нет популизма, хотя отнюдь не всегда, если речь идет о народе, можно говорить о популизме. Идеализация народа — это еще не популизм (43, с. 29).

Для популистов народ — это категория, которую невозможно описать при помощи объективных критериев (экономических, социальных, культурных), некий монолит, противостоящий элитам. Последние — тоже монолит, совершенно не связанный с реальностью. Это нечто враждебное народу, привилегированное и живущее за счет народа: богачи, интеллигенты, управленцы. Элиты — это те, кто имеет то, чего не имеет народ (власть, имущество, образование, влияние).

Популизм не приемлет представительскую демократию, он стремится к прямой демократии либо к авторитарному правлению, когда «воля народа» могла бы выражаться без посредников в виде политических партий. Популизм охотно использует неконвенциональные методы политической борьбы: демонстрации, забастовки, блокады дорог и т.д.

Движение, как правило, возглавляет харизматический лидер, напрямую связанный с массами.

Враждебность к элитам утверждает представление о существовании заговора, направленного против «простых людей». Виноватыми в бедах простого народа в представлении популистов являются некие «другие», «чужие», «они». Иногда — богатые, иногда представители иной национальности, иногда (в случае аграрного популизма) просто «город».

Популизм несовместим с либерализмом, он не допускает свободной конкуренции. Популизм с подозрением относится к защите прав человека, расценивая их как защиту неких привилегий.

Трудно назвать популизм идеологией, хотя в нем можно обнаружить некие элементы таковой. Популизм не может стать самостоятельной политической силой. Не потому, что не обладает разработанной идеологией (ее нет и у многих партий). Проблема популизма в том, что

он не может создать организации. Он, по сути своей, противится организации вообще всякой институционализации (43, с. 34).

В настоящее время популизм скорее всего будет востребован как способ артикуляции противостояния периферии и центра, богатых и бедных управляющих и управляемых, что проявляется как в международном масштабе, так и в масштабе мировом (43, с. 35; 1, с. 42–44).

Именно по отношению к партии Самообороны Речи Посполитой термин «популизм» применяется чаще всего. На выборах 2001 г. эта партия выступала под девизом «Самооборона — сам решаешь, сам побеждаешь, сам используешь победу. Для тебя мы создаем лучшую Польшу».

Программа партии была представлена в виде кратких, предельно ясных тезисов.

Экономическая часть ее предполагала, в частности, сохранение монополии государства в стратегически важных сферах экономики, приоритетное развитие малого и среднего бизнеса, особое внимание жилищному строительству.

В области сельского хозяйства партия считает целесообразным одинаковую поддержку всех типов хозяйств, финансовую поддержку села.

В социальной сфере — борьбу с безработицей, обеспечение социального минимума, бесплатной медицины и образования.

Специально оговаривается необходимость борьбы с коррупцией, конфискация имущества «аферистов», пересмотр итогов приватизации с целью выявления злоупотреблений (51, с. 85–88).

Партия Самообороны Речи Посполитой занимает в политическом спектре, по мнению В.Маркса, некое особое место. Если исходить из классического (хотя и оспариваемого многими политологами) деления партий на правые и левые, то Самооборона может быть отнесена и к тем, и к другим.

Лидер партии выступает с программой «третьего пути». Но это не тот третий путь, о котором говорят Т.Блэр и Г.Шрёдер и который поддерживает А.Квасьневский. А.Леппер весьма критически относится ко многим либеральным постулатам, принимаемым левыми (таким, как жесткая финансовая политика, реформа системы социального обеспечения, ограничение интервенционизма государства).

В основе программы Самообороны лежат слова Иоанна Павла II, согласно которым «неприемлемо утверждение, что после падения коммунизма единственной альтернативой является капитализм».

«Левое измерение» (если можно так сказать) Самообороны проявляется, прежде всего, в экономической и социальной частях программы этой партии, в которой, в частности, содержатся постулаты о сохранении стратегически важных отраслей естественных монополий в руках государства, борьба с безработицей, введение социального минимума, выплата пособий по безработице в течение неограниченного срока, бесплатное образование, пересмотр итогов приватизации и т.д. (27, с. 85–88).

Однако позиция по важнейшим проблемам внешней политики и иностранных инвестиций сближают А.Леппера с крайне правыми политическими партиями. Особенно ярко позиция Самообороны проявилась в вопросе о присоединении к ЕС. Партия решительно выступала против европейской интеграции, усматривая в ней угрозу польской идентичности.

Самооборона негативно оценивала интервенцию НАТО в Косове, участие Польши в войне в Ираке, решительно критиковала президента за его позицию по вопросу о Едвабне (речь идет об участии поляков в убийстве евреев в местечке Едвабне в годы Второй мировой войны. А.Квасьневский принес извинения за это трагическое происшествие, но не все польские политики поддержали президента).

Вместе с тем Самооборона выступает против декоммунизации и люстрации, не занимает ясной позиции в столь важной для нынешней польской политики проблеме абортот. Не ясна и позиция партии по отношению к церкви: декларируя себя человеком верующим, а свою партию как политическую силу, основывающуюся на социальном учении церкви, А.Леппер тем не менее часто критикует церковную иерархию особенно за неодобрение ею организуемых Самообороной крестьянских протестов.

Отсутствие идеологической целостности программы позволяет партии находить союзников в самых разных сегментах политического спектра и апеллировать к самым разным кругам польского электората (27, с. 28).

Среди избирателей Самообороны в 2001 г. на предыдущих выборах (т.е. в 1997 г.) 35,2% голосовали за ИАС, а 24,2% – за СЛД (27, с. 29).

В 2001 г. за Самооборону голосовало почти 30% крестьян, 17,3 – жителей села, 14,4 безработных, 14,2 – рабочих, 4 – руководителей; 7,3 – работников администрации, 7,1% – учащихся и студентов, и каждый

десятый частный предприниматель. По выражению сенатора Р.Дзидо, это те «нормальные люди, которые хотят нормально жить в этой стране...» (22, с. 24, 24).

И лево- и правоориентированный электорат отдает свои голоса Самообороне. Это позволило партии на выборах 2001 г. добиться весьма серьезного успеха, получив более 10% голосов. После этой победы Самооборона переживает свой своеобразный «звездный час» — растет численность партии, число ее организаций на местах.

В данной связи представляется правомерным обратиться хотя бы кратко к истории Самообороны. А начало ее истории восходит к 1991 г., когда никому не известный в Польше деятель крестьянского движения А.Леппер был замечен Л.Валенсой и получил его поддержку. Именно А.Леппер олицетворяет и по сей день Самооборону, являясь, по сути, единственным широко известным политиком в этой партии. Лидер Самообороны имеет крестьянское происхождение, среднее специальное образование. В свое время он был членом ПОРП, возглавлял одно из государственных сельскохозяйственных предприятий.

В 1991 г. Леппер возглавил движение протеста крестьян в окрестностях Дарлова, запутавшихся в своих долговых обязательствах по взятым кредитам и оказавшихся на грани банкротства. Именно тогда возникает крестьянский профсоюз Самооборона, действующий решительно и бескомпромиссно, организуя блокады дорог, оккупацию правительственных учреждений, в том числе министерства сельского хозяйства в Варшаве и т.д.

Усилия Самообороны увенчались успехом: был изменен закон о предоставлении кредитов и создан фонд реструктуризации крестьянских долгов.

На выборах 1997 г. Леппер и его движение не имели значительных успехов, получив только 0,08% голосов. После этих выборов Самооборона заключает союз с двумя другими крестьянскими профсоюзами, действовавшими тогда в Польше, и успешно проводит в 1998–1999 г. акции протеста, связанные с кризисом перепроизводства свинины. Тогда эти акции поддержало 96% поляков. Именно тогда Леппер выдвигается на первый план в качестве вождя «крестьянского бунта», а его организация приобретает статус не просто выразителя интересов узкой группы крестьян, но всего крестьянского движения.

Теперь уже не проблема крестьянских долгов, а более масштабные проблемы развития сельского хозяйства в целом становятся главными в деятельности организации.

Самооборона выступает за приоритетное развитие средних хозяйств, производящих экологически безопасную продукцию, за уважение традиционной крестьянской этики как основы польской национальной идентичности (27, с. 17).

В 1992 г. была зарегистрирована политическая партия «Союз — Самооборона Речи Посполитой», куда помимо вышеназванного профсоюза с тем же названием — Самооборона — вошли, в частности, националистическая группировка «Грюнвальд» и партия зеленых. Однако ведущая роль в коалиции принадлежала, несомненно, А.Лепперу. Таким образом, в 90-е годы действовало две составляющих Самообороны — профсоюз и партия. Они имели общие финансы, общий интернет-сайт, одного лидера. В настоящее время приоритетное значение приобретает деятельность партийной составляющей.

Самооборона с ее скандальными выходками во время заседаний сейма, постоянным эпатажем и вызовом общепринятым нормам политического бытия, с шокирующими, а нередко грубыми высказываниями А.Леппера в адрес других политиков — это некий «enfant terrible» польской политики. Тем не менее успехи Самообороны в ее движении на пути к политическому Олимпу несомненны, а ее откровенный популизм и антиэлитизм при определенных обстоятельствах могут сделать эту партию достаточно грозной и серьезной силой.

ПРАВИЦА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В начале 2000-х годов в стране разворачивались такие процессы, которые на определенное время все изменили в расстановке политических сил. Партии разделились в соответствии с совершенно новым критерием, и вновь обозначившееся деление не совпадало с тем, о котором шла речь выше. Речь идет о процессах, связанных со вступлением Польши в ЕС.

В период, предшествующий референдуму по вопросу о вступлении страны в ЕС, решительными сторонниками такового выступали социал-демократы, ГП, СС, СТ. Решительными противниками — ЛПС и Самооборона. ПСЛ и ПиС занимали позицию несколько неопределенную, ставя окончательное решение в зависимость от соблюдения некоторых

польских условий и откладывая принятие этого решения до саммита ЕС в Копенгагене (декабрь 2001 г.).

Некоторые социологи склонны даже предполагать, что вступление в ЕС и отношение к этому событию приведет к замене дихотомии «левые-правые» на другую — «роевропейские и антироевропейские» партии.

В 2003 г., когда шло обсуждение Конституции ЕС, с проектом которой выступил конвент, ситуация вновь обострилась. В предлагаемом проекте предполагалось изменение некоторых условий, на которых Польша вступала в ЕС в соответствии с договором 2000 г., принятом в Ницце.

«Ницца или смерть». Под этим суровым заявлением, сформулированным Л.Рокитой, могли бы подписаться многие польские политики осенью 2003 г. Хотя, на первый взгляд, для подобного рода непреклонности не было подходящего повода — ведь речь шла о деле сугубо мирном: о проекте Конституции ЕС, предложенном для обсуждения Конвентом ЕС.

Предполагалось, что конституция будет принята в декабре 2003 г., на чем особенно настаивал С.Берлускони, стремящийся к тому, чтобы это знаменательное событие произошло именно в то время, когда Италия председательствовала в ЕС.

Как известно, этого не произошло, сроки принятия конституции отодвинулись, но само обсуждение проекта высветило многие сложные проблемы ЕС, показало как непросто строить общеевропейский дом в контексте серьезного несовпадения интересов его нынешних и будущих обитателей.

Многие страны, как из числа членов ЕС, так и из числа готовящихся стать таковыми в 2004 г., высказали ряд предложений по поводу проекта, выразили несогласие с некоторыми его положениями, но накал страстей не был столь силен, как в Польше.

Договор, принятый в Ницце в 2000 г., действительно был весьма выгоден для Польши: достаточно сказать, что страна после вступления в ЕС имела бы при голосовании почти столько же голосов, что и в Германия (Польша — 27, Германия — 29). Конечно, договор очень импонировал многим политикам в стране, заговорившим даже о неких «державных» амбициях Польши в Европе.

Согласно новому проекту, предложенному Конвентом, принцип исчисления голосов ставился в прямую зависимость от численности на-

селения страны и, соответственно, Польша отстала от Германии в два раза.

Кроме того, Конвент предусматривал ограничение числа полномочных комиссаров пятнадцатью с тем, чтобы комиссары от остальных вновь вступающих в ЕС стран не имели права голоса. Изменялся также, по сравнению с Ниццей, и срок действия главы совета: этот срок увеличивался, что определяло невозможность каждой стране реализовать свои потенциальные шансы руководства ЕС.

Вышеназванные, а также ряд других положений Конвента, какой бы ни была их оценка, существенно меняли соотношение влияния больших и малых стран – членов ЕС не в пользу последних. Между тем именно малые страны после расширения ЕС в 2004 г. займут в Союзе доминирующее положение.

Несомненный отказ от принципа эгалитаризма в сторону усиления влияния государств – основателей ЕС не вызвал особого энтузиазма у представителей польского политического класса. Однако многочисленные голоса в пользу необходимости признания неизбежности идущего процесса, трезвой оценки реальных возможностей и потенциала Польши, поиска компромисса и попыток «отыграться» на другом поле, в принципе утонули в хоре сторонников лозунга «Ницца или смерть». С умеренных позиций, склоняющихся скорее к принятию проекта Конвента, выступили, прежде всего, те политики, которые в 90-е годы придерживались активной проевропейской позиции: Б.Геремек, А.Смоляр, А.Олеховский.

Лагерь же защитников договора Ниццы объединил людей самой разной политической ориентации. Об однозначном неприятии предлагаемого Конвентом проекта Конституции ЕС заявила крайне правая партия Лига польских семей. Лидер фракции этой партии в сейме М.Котлиновский решительно отстаивал идею «Европы отечеств» и равных прав каждого государства.

Один из авторитетных польских политиков правого спектра, лидер партии Право и справедливость, президент Варшавы Л.Качиньский отметил, что «вопрос европейской Конституции – это вопрос нашей независимости и суверенитета. Это вопрос фундаментальный, и ни о каких уступках не может быть и речи».

По мнению Л.Качиньского, ЕС явно предпочитает принцип национального эгоизма принципу европейской солидарности. Сильные страны отнюдь не торопятся помогать слабым (20, с. 17).

ПИС не желает поддерживать возможное очередное предательство польских национальных интересов со стороны правящей элиты, не считает возможным поддерживать партию «белого флага». Право и справедливость выступила даже с идеей нового референдума по вопросу о вступлении Польши в ЕС, аргументируя свое предложение тем обстоятельством, что прежде проведенный в стране референдум, в котором поляки однозначно высказались «за», проходил в принципиально иных условиях, когда облик ЕС определял договор Ниццы.

В специально принятом постановлении по вопросам интеграции с ЕС ПИС решительно подчеркивает принадлежность Польши к Европе. Принадлежность изначальную, связанную с периодом становления польской государственности при Мешко I и принятием христианства по католическому обряду. В Польше раньше, чем в других европейских государствах утвердились принципы свободы, толерантности и парламентаризма. Именно в Польше была принята самая демократическая в Европе конституция (Конституция 3 мая 1794 г.).

Соответственно, Польша не «возвращается в Европу». Она всегда была в ней и достойна занять в ЕС надлежащее ей место.

Отмечая, что все условия вступления Польши в ЕС соответствуют этому постулату, ПИС все же считает вступление необходимым, прежде всего, из соображений безопасности. Если же Польша останется вне ЕС, это может привести к росту «российского влияния со всеми цивилизационными и социальными последствиями пребывания в сфере посткоммунистической периферии» (46, с. 5).

ПИС подчеркивает необходимость совместной оборонной политики ЕС и США и недопустимость противопоставления НАТО и ЕС.

Вместе с тем ПИС настаивает на необходимости проведения «новой европейской политики, которая решительно покончит с ошибками евроэнтузиазма и политикой, лишенной духа суверенности». ПИС убеждена, что СЛД не сохраняют этот дух, преследуя свои, узкопартийные цели и стремясь сблизиться с европейскими социал-демократами. Если левые что-нибудь и делают в интересах Польши, то под давлением ПИС и общественного мнения.

ПИС видит ЕС как организацию, основанную на идее Европы солидарных народов. Этот принцип солидарности обуславливает необходимость помощи слабым регионам континента, предполагает отказ от государственного эгоизма. ЕС видится партии как сильный союз суверенных и солидарных национальных государств (46, с. 6).

С поддержкой Ниццы и готовностью стоять до конца выступила Польская крестьянская партия, а лидер левого Союза труда Т. Налэнч декларировал готовность партии выйти из правящей коалиции, в которой ныне состоит СТ вместе с Союзом демократических левых сил (СЛД), если правительство не сумеет защитить систему Ниццы.

Сам глава правительства Л. Миллер, несмотря на упреки правых, делал, кажется, все возможное и невозможное, пытаясь отстоять Договор Ниццы. Чудом уцелев в авиакатастрофе, Миллер отправился в Брюссель в декабре 2003 г. в инвалидной коляске и специальном корсете для позвоночника, проявив негибкое упорство в отстаивании интересов Польши. Не выражая решимости «умереть за Ниццу», но все же достаточно упорно выступал за нее и польский президент А. Квасьневский.

«Дело Ниццы» сплотило и правых, и левых. Хотя нет оснований говорить о монолитном единстве в стране как тех, так и других. Да и мотивы такого рода твердости весьма различны, хотя категория национально-государственных интересов присутствует в аргументации обеих сторон.

Польский писатель и публицист, главный редактор близкой к правнице «Газеты польской» П. Вежицкий полагает, что проблема суверенитета — одна из важнейших в современном мире. В Европе XXI в., мирной и свободной от конфликтов, суверенитет остается ценностью, которую следует защищать, охранять и за которую следует бороться. Хотя бесспорно, что национальный эгоизм и безумный национализм лежат у истоков двух мировых войн, но не менее бесспорно, что недостаток воли для защиты государственного суверенитета лежал в основе агрессии. «Не было бы Аушвица, если бы не оккупация почти всей Европы. Не было бы Катюни, если бы не советская империя, построенная на насилии и господстве» (49, с. 25).

В нынешней Европе Польше действительно явно никто не угрожает, но это не значит, что не следует заботиться о своих национальных интересах. Как заботятся о них французы и немцы. Только в этом случае употребляются слова «солидарность», «братство», «универсализм». Если же Польша отстаивает свои позиции, то это называется «партикуляризм», «размахивание саблями», «эгоизм». Польша обязана сохранять бдительность в отстаивании своих позиций на международной арене. Суверенитет не следует пересчитывать на валюту. Деньги быстро истратятся на разные нужды, а положения конституции будут действовать на протяжении десятилетий.

Сейчас у Польши солидные союзники, но никто не заменит саму Польшу, никто не будет помогать стране, не желающей или не могущей защитить себя. Если бы польские политики, вняв голосу противников НАТО, не вступили бы в Альянс, сейчас Варшава была бы один на один с Москвой, Минском, Гаваной и Пхеньяном.

Польша чувствительна и суперчувствительна к проблеме суверенитета. В европейской ментальности присутствует уважение к самобытности. «Народы имеют право быть сверхчувствительными. Пусть немцы будут сверхчувствительными к проблеме холокоста. Пусть французы будут сверхчувствительны к проблеме коллаборационизма. А у нас своя сверхчувствительность.

Именно так, абсолютно не следует бояться, что Европа нас не поймет. Европа именно тогда нас поймет, Европа именно тогда начнет нас ценить, когда мы будем строптивыми, непослушными, трудными, особенными, экзотичными... Европа не заканчивается политиками и дипломатами из Брюсселя, она ждет от нас, что мы будем сами собой. Если хочешь, чтобы тебя считали европейцем – старайся прежде всего быть поляком. Не скрывай того, что в тебе есть. Сделай слабость силой...

Действительно, национальный суверенитет для нас все еще божество, доброе божество. Миром правят не только интересы. Миром правят также идеи. ... Во имя идеи национального суверенитета, во имя идеи национальной независимости миллионы европейцев были готовы прежде и готовы сейчас рискнуть и пожертвовать многим. Мысль об интеграции, федерации, унификации – это интересная идея. Любопытно, однако, найдется ли в Европе хоть кто-нибудь, кто был бы готов ради этой идеи чем-нибудь рискнуть и пожертвовать» (49, с. 25).

В.Хжановский (один из идеологов и лидеров ХНО) также подчеркивает, что долгий опыт утраты Польшей суверенности или ограниченности ею, конечно же, не прошел бесследно. Но вместе с тем национально-христианская политическая формация даже в период гитлеровской оккупации задумывалась о возможностях выхода за границы национального государства. Речь шла не о ЕС, а о новом облике Центральной Европы. Именно в те годы К.Стойановский опубликовал в подполье брошюру «Западнославянское государство», а в Кракове действовал Центрально-Европейский институт. Эти идеи и концепции не получили развития после 1945 г., и сейчас Польша должна использовать открывающиеся перед ней возможности интеграции с Европой. Причем речь идет о Евро-

пе с общими цивилизационными корнями, о Европе, проникнутой идеями общеевропейского патриотизма (5, с. 77).

Выступая с совершенно иной точкой зрения, С. Сераковский (главный редактор «Политической критики») полагает, что процесс глобализации многое изменил в мире. Рынок действует на принципах наднациональных. Ни одно государство не в состоянии контролировать в нынешних глобальных условиях капитал. И уже сейчас суверенитет польского правительства, как и любого другого, в значительной мере ограничен.

Глобализация изменила и традиционные представления о государственном суверенитете. В современной международной практике нарушение прав человека в той или иной стране является достаточным поводом для нарушения этого суверенитета со стороны других стран.

Все более наднациональный характер приобретают экологические проблемы. Глобальные СМИ оказывают серьезное влияние на формирование общественного мнения во всем мире.

Все эти факторы, несомненно, ослабляют роль национального государства, полагает С. Сераковский. «Пришло время наднациональной политики. И те, кто решил охранять только что обретенный суверенитет Польши, *de facto* превращают нас в несuverенный народ, лишенный влияния на ход истории. Они выбирают медленную маргинализацию. Если бы я был демагогом, я сказал бы: Европа или смерть» (36, с. 18).

В Европе имеет место противостояние «суверенистов» и «федералистов», т.е. сторонников приоритета национального государства и сторонников создания в перспективе некоего солидарного многонационального государства, заботящегося о благе своих граждан независимо от их национальной принадлежности. Очевидно, что ЕС еще долго не будет таким супергосударством и сейчас в нем преобладают частные, а не солидарные интересы. Но европейская конституция может стать шагом в этом направлении, а может явиться препятствием на пути к такому супергосударству.

Польское правительство допустило большую ошибку в информационной политике, убедив граждан, что ЕС – это некая благотворительная организация, основная задача которой – оказание финансовой помощи.

С. Сераковский выступил с инициативой подготовки письма 200 польских интеллектуалов, осудивших позицию польского правитель-

ства и предостерегающих от превращения Польши в оплот консерватизма и партикуляризма.

Под этим «Открытым письмом к европейской общественности» стояла подпись известного польского философа и ученого Е. Шацкого, полагающего, что национальный суверенитет в известном смысле слова не более, чем фикция. Вполне суверенны лишь несколько стран в мире, такие как США, Китай, Северная Корея. Все другие страны обладают лишь ограниченным суверенитетом, хотя бы в силу действия таких документов, как декларация прав человека. Национальное государство в том виде, в каком оно существовало в XIX и XX вв., исчезает, оно исчерпало себя.

Польские политики в ходе обсуждения выступили, по сути, со следующими предложениями: сохранить систему распределения голосов, принятую в Ницце, признать за каждой страной право иметь одного полноправного комиссара в Европейской комиссии; для обеспечения каждой стране возможности осуществлять руководство в ЕС, ввести систему группового представительства с тем, чтобы одновременно руководящие функции исполняли представители четырех государств.

Польша предлагала также исключить возможность создания внутри ЕС неких военных союзов, не включающих всех членов Союза (а именно такого рода идею высказывали ведущие страны ЕС. В частности, И. Фишер говорил о том, что если принятие конституции будет тормозиться, то страны-основатели будут искать способ и формы более тесного взаимного сотрудничества, в том числе и в виде создания военных союзов внутри ЕС).

Наконец, Польша настаивала на введении в преамбулу конституции положения о христианских ценностях как основы ЕС. Против последнего положения достаточно активно выступает Франция – страна с наиболее выраженными в Европе светскими традициями. Да и в самой Польше нет абсолютного единства по этому вопросу. Во всяком случае, в «Открытом письме к европейской общественности» содержится призыв к устранению из преамбулы любых апелляций к источнику ценностей новой, единой Европы.

Вместе с тем польский епископат (позиция которого, несомненно, очень важна для страны, население которой более чем на 90% декларирует свой католицизм), настойчиво призывает к введению в текст преамбулы ссылки на христианские корни европейской цивилизации. Очевидно, не случайно именно в 2003 г., когда проблема расширения ЕС приоб-

рела реальные очертания, появилось апостольское послание Иоанна Павла «Ecclesia in Europa» и специальный документ Конгрегации Веры «Католики и политика».

Польские католики в референдуме по вопросу о вступлении в ЕС голосовали в основном «за», тем самым солидаризируясь с позицией Иоанна Павла II, всячески поддерживающего идею европейской интеграции. Но в Польше немало тех, кто вслед за главным редактором католического журнала «Знак» Л. Говиным убежден, что «...если окажется, что новая европейская идентичность создается вне христианской традиции, следует приложить все старания к тому, чтобы процесс интеграции был остановлен на экономическом уровне... Ибо единства нельзя достичь любой ценой» (14, с. 8).

Таким образом, дискуссия о проблемах европейской конституции приобретает глубокий мировоззренческий смысл, свидетельствует не только о чисто тактических разногласиях политических партнеров, но и о весьма ощутимых различиях в менталитете.

Апелляция к христианской традиции, вовсе не бесспорная и, возможно, нежелательная для многих западноевропейцев, становится такой важной для поляков.

Не следует при этом преувеличивать глубину религиозных чувств поляков. К разряду общих мест относится постоянно отмечаемая исследователями скорее обрядовая религиозность польских католиков. Да и электоральные предпочтения многих польских избирателей, считающих себя католиками и бестрепетно отдающие голоса левым партиям и без утайки говорящему о своем агностицизме и едва ли не атеизме ныне действующему президенту, тоже весьма показательны.

Обсуждение конституции акцентировало и еще одну весьма болезненную проблему: очень по-разному относятся западноевропейцы и жители Центральной и Восточной Европы к Америке. Для Западной Европы США не только партнер, но и, в известной степени, соперник в цивилизационном и политическом споре. Для центрально- и восточноевропейца все по-другому: США — это оплот борьбы с ненавистным коммунизмом, это гарантия защиты от него.

Известно, с какой симпатией относятся к США президент Польши А. Квасьневский и глава правительства Л. Миллер. Это несколько не ставит под сомнение приверженность польских лидеров идее общеевропейского дома. Однако по мысли нынешних польских руководителей, без США этот дом не будет достаточно прочным.

Различия менталитета очевидны, и бессмысленно делать вид, что их нет и Европа едина.

Сможет ли ЕС реально, а не декларативно способствовать формированию этого единства не только в экономической, политической, но и в духовной сфере, — вопрос будущего. Возможно, окажется прав польский философ и публицист Б. Цивиньский, видящий в качестве одного из вариантов развития событий принятие европейцами ЕС в качестве, прежде всего, экономического, но отнюдь не духовного сообщества. «Лучше реальный рынок, чем иллюзорная общность» (6, с. 9). Но и реальный рынок тоже достаточно трудно достижимая цель. Во всяком случае, даже Польша, которая, как свидетельствуют данные рапорта Европейской комиссии (октябрь 2003 г.), из всех стран, готовящихся вступить в ЕС, подготовлена хуже всех.

Собственно, и сами поляки с этим согласны. 64% поляков полагают, что страна не готова к вступлению в ЕС. Наибольшее беспокойство вызывает состояние сельского хозяйства, общий уровень экономического развития и рост безработицы в стране.

Вместе с тем почти половина респондентов уверена в том, что со вступлением в ЕС положение Польши улучшится. Это, прежде всего, молодежь, живущая в крупных городах и неплохо зарабатывающая. 35% пессимистов считает, что со вступлением в ЕС жизнь в Польше станет еще хуже, а 17% полагает, что ничего не изменится (6, с. 9).

Не самым благоприятным образом на общественное настроение влияет достаточно активно обсуждаемая в стране так называемая «проблема изгнанных». Эта непростая проблема, касающаяся немецкого населения, изгнанного после войны из Чехословакии и Польши, приобрела именно сейчас, накануне вступления Чехии и Польши в ЕС, особую остроту.

Глава действующего в Германии Союза изгнанных Э. Стейнбах настойчиво проводит идею создания Центра изгнанных в Берлине, ставит вопрос о необходимости отмены декретов Бенеша и так называемых декретов Берута, касающихся выселения немцев. Более того, в свое время Э. Стейнбах пыталась увязать этот вопрос с приемом Польши и Чехии в ЕС. Правда, дальше слов дело не пошло, и позиция Союза изгнанных вовсе не совпадает с официальной позицией Германии. Й. Рау и Г. Шрёдер неоднократно выражали уверенность, что проблемы изгнанных не скажутся негативно на польско-немецких отношениях. На встрече Й. Рау с А. Квасневским в октябре 2003 г. германский лидер предос-

берег от неосторожных слов и заявлений, способных осложнить польско-немецкие отношения. Однако уже сам факт обострения проблемы изгнанных именно в данный момент, сопряженный с разногласиями между Польшей и Германией, по некоторым аспектам деятельности ЕС достаточно красноречив.

В 2003–2004 гг. польско-немецкие отношения весьма ухудшились. Аналитиками они оцениваются как самые плохие за весь период с 1989 г. Попытки со стороны немцев пересмотреть оценку Второй мировой войны Б.Геремек рассматривает как чрезвычайно опасные. Он связывает эти попытки с уходом из политики того поколения немцев, которые чувствовали ответственность за историю XX в. Приходит же поколение прагматиков без комплекса вины. Более того, комплекс вины заменяется требованием по отношению к другим народам — признать себя виноватыми перед немцами. И это уже прямое насилие над историей.

Об опасности такого рода тенденций в немецкой политике говорил и глава ГП Д.Туск в одной из телевизионных передач в январе 2004 г. Он считает недопустимым путать позиции жертвы и палача.

Никому из польских политиков не пришлось «умирать за Ниццу» и, более того, неуклонно теряющее популярность правительство Л. Миллера своей твердой линией в конституционных дебатах снискало поддержку большинства поляков, считающих, что позиция Польши правильная, а 26% респондентов полагают, что она даже слишком умеренная. Хотя очень немногие в Польше читали объемистый (более 200 страниц) проект конституции, большинство уверено в том, что она нужна при условии учета польской позиции.

Споры польских политиков о Конституции ЕС, несомненно, содержат в себе различные подходы к более глобальным проблемам, касающимся видения будущего Европы и места в ней Польши. Размышляя о правомерности лозунга «Ницца или смерть», авторитетный польский политик Б. Геремек заметил, что «Умирать в Европе очень легко — кладбищ хватает. Трудно жить в Европе. Главный вопрос состоит в том: как жить в Европе?» Польша всегда боролась с опасностью стать периферией Европы. Эта опасность может реализоваться сейчас, ибо дело отнюдь не в числе голосов и в способе их подсчета. Следует противопоставить «белому флагу неверия в свою страну голубой флаг надежды и уверенности в польских возможностях и польской силе» (11, с.17).

Однако «польские возможности и польская сила» в настоящее время стоят перед серьезным испытанием.

Во всяком случае, в этом уверен один из лидеров ГП и авторитетнейший в международных проблемах человек — А.Олеховский. Он полагает, что Польша, проявив твердость в отстаивании договора Ниццы, на самом деле создала такую ситуацию, при которой польская внешняя политика оказалась между Сциллой и Харибдой. В отстаивании договора Ниццы поляков никто не поддержал. Даже ближайшие соседи, которые усмотрели в позиции Польши не заботу о благе ЕС, а отсутствие опыта и понимания того, что ЕС — это не только общий рынок, но и (пока, скорее, потенциально) политическое сообщество (29, с. 15).

Политическую изоляцию Польши после Брюсселя отмечает и Б.Геремек, полагающий, что польские политики не почувствовали, не поняли самого духа деятельности ЕС, используя свое право вето. Опасен не сам факт непокорности поляков, а отсутствие позитивных плодов этой непокорности. «Наша непокорность, — отмечает Б.Геремек, — привела к анархии и упадку государства, но и к сохранению духа свободы. Европа приемлет второе, но боится первого» (12, с. 12).

Как отмечает А.Олеховский, формулу Ниццы не удастся сохранить путем консенсуса. И, по сути дела, польская политика по вопросу о Ницце может привести к расколу ЕС, к образованию той самой Европы «двух скоростей», против которой Польша так горячо выступала.

Итак, «путь домой», в Европу, обретение европейской идентичности оказался для Польши усыпанным не только лепестками роз, но и весьма болезненными колочками. Правда, в правильности избранного пути большинство поляков нисколько не сомневается, а дорогу, как известно, осилит идущий. Тем более что возникающие трудности преодолимы, а компромисс в большинстве случаев достижим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Польская правящая является интегральной частью политической системы страны и будущее правых зависит от специфики функционирования этой системы и от отношения к ней поляков. Согласно исследованиям ЦИОМ, осенью 2003 г. 50% населения страны полагало, что политическая система плохая и нуждается в серьезных переменах, примерно столько же считало, что их частная жизнь не зависит от того, живут ли они в тоталитарном или в демократическом государстве (8, с. 12).

Правомерно, очевидно, поставить вопрос о том, а как вообще поляки относятся к демократии, этому ключевому фактору трансформации и формирования политической системы.

Совершенно очевидно, что это отношение определяется главным образом функционированием не просто демократии, где-то там, в идеальном мире, а польской демократии.

Самые высокие оценки польская демократия получила в 1996–1998 гг., а самые низкие в 2002 и 2003 гг. Причем оценка демократии зависит от политических убеждений респондентов; от того, идентифицируют ли они себя с правящей в данный момент элитой.

Низкая оценка демократии в 2002–2003 гг. сочеталась с убежденностью в стабильности демократической системы (73% в 2002 г.) и поддержкой самих «правил демократической игры». Только 14% респондентов были бы довольны роспуском парламента и прекращением деятельности политических партий.

По данным Института Пентор, чаще всего демократию поддерживают люди молодые, обладающие высокими доходами, а реже — люди старше 50 лет, живущие в деревне и обладающие низким образовательным уровнем (9, с. 380).

Поляки мало ценят сейм, не уважают политиков, не любят политические партии, мало интересуются политикой (более 50% декларируют отсутствие интереса к политике), но вместе с тем признают значимость мира политического и институтов с ним связанных.

Осознавая недостатки демократии, польское общество, в принципе, не видит альтернативы.

Очевидно, оценки демократии и ее реально действующих институтов могли быть выше, если бы не специфика польского политического класса. Последняя же, по мнению Я. Станишкис, состоит в тесной связи политики и капитала. «В нашей стране, — пишет Л. Станишкис, — нельзя сколотить капитал, если ты не связан с властью. Именно этот механизм стирает границы между экономикой и государством» (37, с. 19).

Таким образом, применительно к Польше можно говорить о политическом капитализме, где государство рассматривается политиками как средство обогащения, а естественные механизмы рыночной экономики не действуют.

Один из ведущих политиков СТ Т. Сырыйчик заметил: «Возможно, власть можно просто купить. Я сам посчитал, что мою партию теоретически можно купить за 100 тыс. злотых. Это немного за 50 голосов в сейме. За

сколько можно купить воеводский съезд левых? Два автобуса, немного пива – 3,5 тыс. злотых, не больше. Простой расчет показывает, что не нужно быть олигархом, чтобы купить 1/10 сейма» (13, с. 37).

На фоне кризиса государства падение авторитета политики и политиков, девальвации многих, казалось, незыблемых ценностей, коррупции, разъедающей все несущие конструкции польской политической системы, очевидно, наибольшие шансы имеют не идеологические, если можно так выразиться, партии, а партии, призывающие к «исправлению» государства, своеобразной санации, очищению. Именно такими партиями и являются ГП и ПиС.

По мнению П.Спевака, скорее всего именно они окажутся способными преодолеть некий «кризис рациональности», переживаемый сейчас Польшей (42, с. 20).

Причем преодоление кризиса самым тесным образом будет связано с успехами польской интеграции в ЕС, с «европеизацией» (по выражению Я.Станишкис) польского государства. Внутренние механизмы оздоровления страны на данном этапе не действуют с должной эффективностью.

Соответственно, встает вопрос об отношении правицы к идее и практике европейской интеграции. В этом вопросе явно необходима более четкая идентификация. Последняя касается не только проблем интеграции, но и гораздо более широкого спектра – преодоления вообще некой «идейной слабости» правых (о которой, по мнению А.Халля, можно вести речь применительно отнюдь не только к польской правице) (17, с. 8).

Политики современности вынуждены ответить на вызов глобализации. И польская правица не является исключением. Можно самым решительным образом критиковать глобализацию, но следует осознавать при этом, что эта критика подобна (по выражению З.Баумана, философа, весьма неоднозначно оценивающего глобализацию) критике затмения солнца (1, с. 42).

Мир политического принципиально изменился. Современное государство и его институты сталкиваются с прежде несуществовавшими проблемами, такими, например, как частичное ограничение суверенитета, выход экономики из-под контроля политики, возникновение благоприятной почвы для популистской идеологии как простого средства мнимого решения сложных проблем. От того, насколько польская правица окажется адекватной вызовам современности, зависит, в конечном итоге, сумеет ли она удержать в своих парусах тот самый благоприятный

для нее политический ветер, который так явно ощутило польское общество в начале XXI в.

Список литературы

1. Bauman Z. Handlarze strachu // Krytyka polityczna. – W-wa, 2003. – N 4. – S.39–45.
2. Bolesta K. Polskie wybory // Szczerbic. – W-wa, 1993. – N 9. – S.2–5.
3. Budyta-Budzynska M. Mniejszości narodowe-bogatstwo czy problem? – W-wa, 2003. – 345 s.
4. CBOS. Komunikat z badań. Lewica-prawica-populizm. – W-wa, 2003. – 27s.
5. Chrzanowski W. Czas agitacji / z W. Chanowskim rozmawia J. Paradowska // Polityka. – W-wa, 2003. – N 13. – S.76–78.
6. Cywiński B. Europa w poszukiwaniu duszy // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 4/5 paźd. – S.9.
7. Czas opozycji // Gaz. Wyborcza. – W-wa, 2003. – 8/9 list. – S.3.
8. Demokracja po polsku // Gaz. polska. – W-wa, 2003. – N 38. – S.12–13.
9. Frątczak-Rudnicka B. Demokracja w świadomości zbiorowej // Demokracja polska, 1989–2003. – W-wa, 2003. – 345s.
10. Giertych J. Jeszcze o zamachu na kośćół. – Krzeszowice, 2002. – 64 s.
11. Gieremek B. Polska nie ciotka rezydenta // Gaz. Wyborcza. – W-wa, 2003. – 2grud. – S.16–17.
12. Gieremek B. Graliśmy bronią atomową // Ibid. – 20/21 grud. – S.11–12.
13. Golec J. O demokracji w Polsce // Dziś. – W-wa, 2003. – N 10. – S.35–41.
14. Gowin J. Katolicy i polityka // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 4/5 paźd. – S.8.
15. Hall A. Wiecej wizji // Polityka. – W-wa, 2003. – N 45. – S.28.
16. Hall A. Pogarda i cynizm // Gaz. Wyborcza. – W-wa, 2003. – grud. – S.3.
17. Hall A. Kim jesteśmy // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 4/5 paźd. – S.8–9.
18. Janicki M. Jan Maria Solistą // Polityka. – W-wa, 2003. – N 15. – S.34–38.
19. Junke J. Konstytucja Europejska tak, ale później // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 12 list. – S.4.
20. Kaczyński L. Nie słuchajcie partii białej flagi // Gaz. Wyborcza. – W-wa, 2003. – 19list. – S.16–17.
21. Kamiński A. Państwo aferalne // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 22/23 list. – S.7.
22. Krzemiński J. Strategia rządzenia // Ibid., 1999. – 31sierp. – S.7.
23. Kurszewska J. Patryotyzm (y) polskich polityków. – W-wa, 2002. – 308 s.
24. Kwaśniewski A. Jeszcze zatańczę i zaśpiewam // Polityka. – W-wa, 2003. – N 47. – S.24–26.
25. Lewica ustępuje prawicy // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 19 list. – S.1.
26. Liczymy na Unię // Ibid. – 26 wrześ. – S.5.

27. Marks B. Trzy wymiary Samoobrony, czyli źródła sukcesu partii Andrzeja Leppera // *Studia polit.* – W-wa, 2004. – N 14. – S.10–33.
28. Nowak-Jeziorański J.O patryotyzmie i nacjonalizmie // *Gaz. wyborcza* – W-wa, 2003. – 10/11 list. – S. 15–16.
29. Olechowski A. Polska w pułapce // *Ibid.*, 2004. – 13 stycz. – S.14–15.
30. Paradowska J. Jesień rządu // *Polityka.* – W-wa, 1999. – N 38. – S.3–8.
31. Paradowska J. Mieszanie bez cukru:czyli obecny układ polityczny wycierpiał swe możliwości // *Ibid.* – 1995. – N 9. – S.8.
32. Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej. – Wrocław, 2000. – 190 s.
33. Program wyborczy ZCHN. – 2001. – W-wa, 2001. – 30s. \ (Archiwum partii politycznych JSP PAN).
34. Radzikowski M. Istota nacjonalizmu // *Szczerbiec.* – W-wa, 1997. – N 6/8. – S.2.
35. Sergiejczyk P. Postuluje antyliberalizm // *Myśl polska.* – W-wa, 1996. – N 27. – S.3.
36. Sierakowski . Wplywom – nie! Kapitalowym – tak // *Gaz. wyborcza* – W-wa, 2003. – 10/grud. – S. 18–19.
37. Staniszkis J. Co się stało z naszą klasą // *Politycy.* – W-wa, 2003. – N 2. – S.19–20.
38. Staniszkis J.Przymurowanie premiera // *Rzeczpospolita.* – W-wa, 2004. – 2 stycz. – S.3.
39. Subotic M.Odlaczone telefony: rozmowa z T.Mazowieckim // *Ibid.*, 1998. – 11/12 wrzeń. – S.3.
40. Sumliński W. Europita // *Wprost.* – W-wa, 2004. – N 2. –S.20–24.
41. Spiewak P. Ideologia i obywatele. – W-wa, 1991. – 205 s.
42. Spiewak P. Spadająca kaczka // *Wprost.* – W-wa, 2004. – N 2. –S.19–22.
43. Szacki J. Pytania o populizm // *Krytyka polityczna.* – W-wa, 2003. – N 4. – S. 28–34.
44. Szawel T.Podział na lewicę i prawicę w Polsce po 1989r. – jego sens i trwałość //*System partyjne i zachowania wyborcze.* – W-wa, 2003. – S.178–216.
45. Tokarz G. Ruch narodowy w Polsce w latach 1989–1997. – Wrocław, 2002. – 227 s.
46. Uchwała kongresu założycielskiego «Prawa i Sprawiedliwosci» z dnia 18.1.2003 // *Przegląd sejmowy.* – W-wa, 2003. – N 2. – S.4–6.
47. Uchwała II krajowej konferencji KLD // *Programy partii i ugrupowań parlamentarnych 1989–1991.* – W-wa, 1995. – 450s.
48. Wiatr J.Narodziny i przemiany systemu wielopartyjnego // *Demokracja polska, 1989–2003.* – W-wa, 2003. – S.182–208.
49. Wierzbicki P.Dobry bożek-suwierенność // *Gaz. Wyborcza.* – W-wa, 2003. – 12. grud. – S. 24–25.
50. Wroński P.Zanim padnie SLD // *Ibid.* – 23grud. – S.16.
51. Wybory 2001: Partie i ich programy. – W-wa, 2002. – 245 s.
52. Zieliński P.Otwartym tekstem // *Ojczyzna.* – W-wa, 1997. – N 13/14. – S.3.
53. Zukowski T. Wiatr wieje w prawo // *Rzeczpospolita.* – W-wa, 2003. – 20 list. – S.4.